

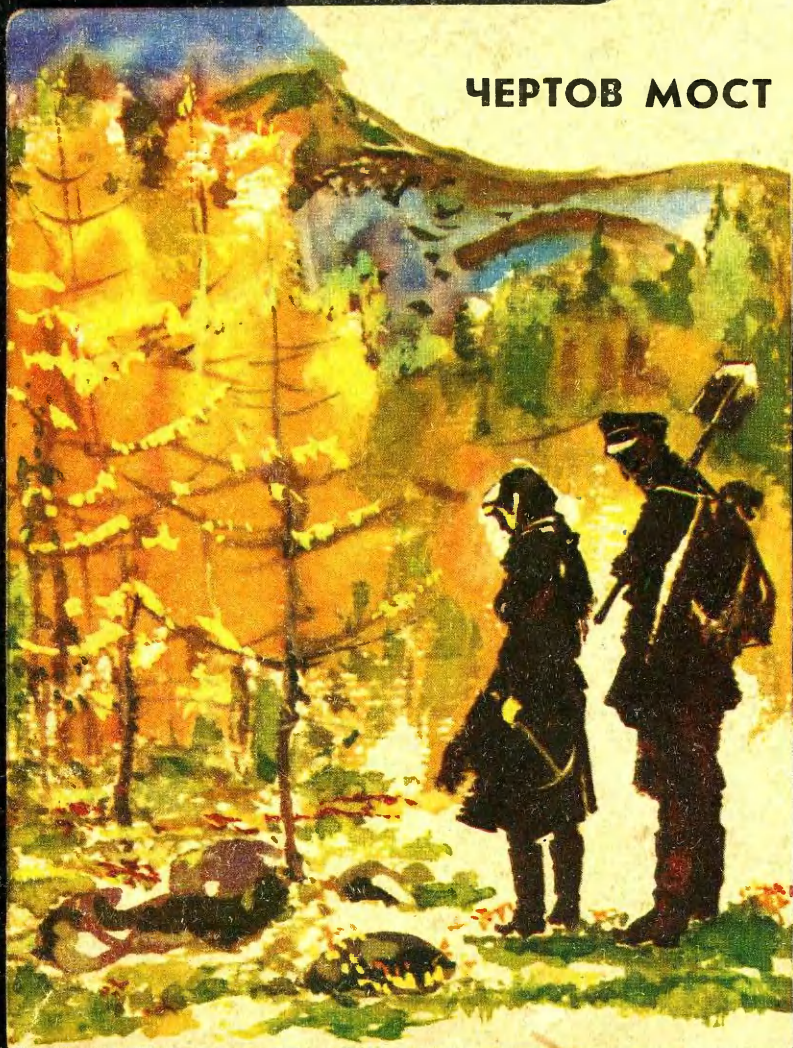
БИБЛИОТЕЧКА ЖУРНАЛА

3/27/.1984

СОВЕТСКАЯ МИЛИЦИЯ

ЧЕРТОВ МОСТ

Был пасмурный майский полдень, когда милиционеры Г. Щукин и В. Артемов вышли на улицу. Они были в гражданской одежде.

В районе участились квартирные кражи, поэтому начальник отделения, назвав приметы подозреваемого, поставил задачу перед всем личным составом: патрулируя, замечать все...

Щукин и Артемов вышли на проспект. Не сговариваясь, свернули во двор многоквартирного дома. — Валя, видишь вон того типа! — сказал Геннадий напарнику.

— Вижу, — ответил Валентин.

— Приметы вроде сходятся: высокий, светлорусый, в темном плаще. Документы бы у него проверить, — размышлял Щукин. — Да вот только как! Ведь мы не в форме. Давая я к нему подойду и предъявлю удостоверение, а ты, как только поймешь, что он медлит, тянет время, сразу иди за постовым, он на проспекте дежурит.

Так и порешили.

Когда Геннадий и Валентин поравнялись с незнакомцем, Щукин остановился.

— Извините, — сказал он, — милиция. Прошу предъявить документы.

— А по какому поводу вы у меня документы спрашиваете! Что привязались! — зло ответил незнакомец. — Чего надо! У меня свое дело, у вас свое. Я что — нарушил! Пьяный я!

Поняв, в чем дело, Валентин тут же ушел, как и договаривались, а Щукин остался один на один с явно взвинченным незнакомцем.

— Я предъявлю, я тебе предъявлю, — угрожающе произнес незнакомый. — Вот мои документы.

И он мгновенно выпростал из-под плаща руку. Геннадий не заметил резкого движения. И грудь пронзила невыносимая, мутящая сознание боль...

Раненый милиционер вцепился в рукав преступника, навалился на него, вооруженного, тот споткнулся, и они оба упали. Превозмогая боль, Геннадий схватил нож, вырвал его. Тут подоспели двое прохожих...

За смелость, проявленную при задержании опасного преступника, старший сержант 84-го отделения милиции г. Москвы Геннадий Иванович Щукин награжден орденом Красной Звезды.

ПО ЗАКОНАМ МУЖЕСТВА

3/27/.1984

БИБЛИОТЕЧКА
ЖУРНАЛА
«СОВЕТСКАЯ
МИЛИЦИЯ»

Станислав Родионов

ОТПУСК

П О В Е С Т Ь

Юрий Воложанин

ЧЕРТОВ МОСТ

П О В Е С Т Ь

Москва, 1984

Главный редактор **Н. И. Ветров.**

Редакторы выпуска **А. Е. Ермолаев, В. М. Панченко.**

Художник **Н. С. Михайлов.**

Художественно-технический редактор **В. Н. Ступин.**

Корректор **Т. Г. Баканова.**

Станислав Родионов

ОТПУСК

П О В Е С Т Ь

НАЧАЛЬНИК отделения уголовного розыска повертел в руках финку с деревянным черенком, искусно вырезанным из просушенного можжевельника:

— Устал, что ли?

— Устал,— согласился Петельников решительно, чтобы не осталось никаких сомнений.

— А вид у тебя свеженький.

— У меня душа устала.

— Ах, душа...

— Она отдохнет. Обязательно.

— Сколько без отпуска? — полюбопытствовал начальник, хотя знал это не хуже подчиненного.

— Почти год. Но какой!

— А работать кто будет? — спросил майор.

Оперуполномоченный не ответил — он этого не знал. Этого никто не знает. Но разговор, видимо, переходил на иной уровень, коли была упомянута работа.

На столе лежала злосчастная финка, от которой Петельников никак не мог отвести взгляда. Она походила на блестящую хищную рыбу.

— Значит, дело о нападении на гражданина Совкова раскрыто? — спросил начальник.

— Раскрыто.

— Угон мотоцикла у гражданина Колчицкого?

— Он сам его потерял в лесу, будучи в состоянии...

Тогда начальник протянул руку и положил перед собой нож, сделав вид, что тот попался ему случайно.

— Ну, а владелец этого холодного оружия?

Петельников пошевелился в кресле, как поежился, вдруг почувствовав, что у него слишком длинные ноги для современной мебели,— владелец этого холодного оружия гулял на свободе, а гулять ему было никак нельзя.

— Пока им Леденцов займется...

— И куда собираешься?

— Махну на юг

Начальник поморщился: морщиться ему было просто, потому что усики двигались как живые.

— Юг... Какая банальщина.

— Погреться...

— Там сорок пять градусов в тени!

— А я в море.

— Там вот такие здоровенные медузы.

— А я выползу на бережок.

— Там женщины в купальниках.

— А я уйду гулять по городу.

— Ладно, — сказал начальник и негромко спросил, разглаживая ладонями белые, вялые щеки:

— Вадим, а моя душа не устала?

— Конечно, устала, — вздохнул подчиненный, готовый отдать половину своего отпуска.

— Возьми маску и ласты. Крем от загара возьми... Или лучше этого не бери, а возьми побольше денег...

Вадим прилетел ночью, а в восемь утра уже спустился под скалы на узкую полосу прибрежной гальки. Народу тут было поменьше. Он высмотрел свободный прямоугольник южной территории и пузатым портфелем застолбил место рядом с двумя девушками. Сначала он еще прикрывал от солнца спину рубашкой, но потом свободно разметался на гальке. Петельников знал, что сгорит. Но он был на юге, у моря.

Наконец он огляделся... Увидел жадных потребителей, каким сделался и сам. Все жглось на солнце так, словно оно больше не взойдет; сидели в море, будто завтра оно высохнет.

Он бросил взгляд на соседок и понял, что тоже замечен. Девушки поглядывали на него, но вскользь, куда-то мимо, якобы в море. Первая, полненькая, в синем купальнике, с распущенными черными волосами, вторая, как бы наоборот, худенькая, стройненькая, в бледно-зеленом купальнике. Похожа на медузу. Медузочка. Впрочем, слишком жарко...

После часа дня от солнца пришлось все-таки спастись. Он намочил сорочку и натянул ее на розовеющую спину, а голову обмотал влажным полотенцем. Его сразу охватила приятная истома. От негромкого ли клеточа моря, перегрелся ли, но Петельников начал дремать той дремой, сквозь которую все слышишь. Недалеко брызгались мальчишки, вскрикивали картежники, бессвязно бормотал транзистор, постукивала и шипела под волнами галька, гудела за скалами машина... Он заснул окончательно.

Проснулся Вадим от подземных толчков, ритмичных, словно под толщами пород стучал великанский метроном. Он поднял голову с портфеля и понял, что так стучит его сердце, отдаваясь болью в висках. Врачи правы: на солнце спать нельзя.

Петельников поднялся и сбросил рубашку. Плыл он брассом, инстинктивно вздрагивая, когда касался медуз.

На берег он вышел минут через сорок.

Девушки тоже вышли. В руке у Черненькой была бутылка. Видимо, охлаждали в море. Он усмехнулся: прав был начальник — в море медузы, а на берегу женщины.

— Нам никак не открыть, — произнес женский голосок якобы в пространство.

Прав был начальник.

— Разрешите помочь, — галантно сказал Петельников и подошел, хрустя галькой.

Вблизи соседки оказались еще симпатичнее. Особенно Медузочка. У нее были огромные и удивленные глаза, которыми она смотрела на мир, не моргая.

Петельников взял посуду. Она была пустой — сквозь темное стекло лишь белела какая-то бумажка.

— Понятно. Море, волна, запечатанная емкость... Вам записку достать?

— Конечно, — хитровато подтвердила Черненькая.

— А вдруг там написано: «Кто прочел, тот осел»?

Горлышко оказалось плотно закупоренным зеленоватой глиной. Петельников вышиб ее ладонью в дно. И прутиком извлек клочок бумаги.

Медузочка взяла его, прочла, неопределенно хлопнула ресницами и отдала подруге. Та хихикнула:

— Мы вас не понимаем...

— Меня? — удивился Петельников.

Он взял бумажку — кусок тетрадного листа, с неровным отрывом, грязный, мятый, мокрый... Написано карандашом, буквы тусклые и какие-то ползущие друг на друга. «Кто найдет бутылку. Помогите мне ради Христа. Со мной все могут сделать. Я заточен в доме на обрыве. Помогите...

— Ну и что? — спросил Вадим.

— Мы тоже так подумали, — скромно улыбнулась Черненькая.

— Отдыхающие развлекаются, — разъяснил он.

— А разве не вы?

Петельников чуть опешил — они полагали, что таким образом он хотел с ними познакомиться.

— Девушки, у меня куча способов законтачить с прекрасным полом, но только не такой средневековый.

— Например? — поинтересовалась Черненькая.

— Например, спросить, нет ли у вас крема от ожогов?

— Есть. — Медузочка протянула тюбик.

— Спасибо. Верну завтра на этом же месте. А теперь, если хотите, чтобы я остался жив, гоните меня с пляжа...

Отпускник поселился на Виноградской улице в белом крохотном строении, видимо, бывшем сарайчике, который стоял в саду за хозяйским домом. Перед дверью росла старая яблоня с громадными крепкими плодами: яблоко на прилавке — это просто яблоко, а яблоко на дереве — это чудо. В окно упиралась яблоневая ветка и ждала, когда распахнут его, чтобы просунуть в комнату широкие, аккуратно вырезанные листья. За домиком лежала большая деревянная бочка. В ней, как Диоген, жил каштановый песик Букет, ненавидевший всех курортников. Вадим с ним поладил, как только угостил его добрым куском молочной колбасы.

— Чай пить будете? — спросила хозяйка.

Петельников ей понравился, потому что обещал не варить, не стирать и ничего не просить. Вот только чай.

— А то приехала одна, — сообщила хозяйка, — пропела «Солныш-

ко», вещи побросала и бегом на пляж. А к вечеру ее в больницу увезли всю в пузырях да волдырях.

У хозяйки он сразу подметил интересную привычку связывать две мысли: одна вытекала из другой. Но когда Петельников увидел в электрическом самоваре свою красную физиономию, то сразу все понял. И отхлебнув из очередной, третьей, чашки, вдруг задал вопрос, тоже вроде бы ниоткуда не вытекающий:

— Где тут у вас дом над обрывом?

— А ты слаб, что ли? — живо отозвалась хозяйка, тоже отхлебывая из очередной, пятой, чашки.

— Бывает, — на всякий случай признался он, не очень ее понимая.

— Люди-то зовут его по-разному. Бормотушник, Пивнуха, Забегаловка...

Петельников улыбнулся — все правильно: посидел мужик в заведении, выпил пива, чиркнул записку, запечатал ее в бутылку и бросил в море. На то и Бормотушник.

— Спасибо.

Он встал и направился было к себе в беленький сарайчик.

— И еще над обрывом стоит домишко. Вода берег-то все целовала-целовала, да и подкопалась. Хозяева страховку получили и привет, укатили в неизвестном направлении.

— Где этот дом? — спросил Петельников, приостанавливаясь.

— Километра два берегом к маяку. На глинах стоит...

— На зеленых?

— Ага.

Он прошел к себе и сел на кровать. Солнце уже опустилось за горы. В саду сразу потемнело. Запахло какими-то травами и землей, которую хозяйка поливала из шланга. Поскуливал Букет, натомившись за день в жаркой бочке. Затихли отдыхающие. На століке в изголовье почти неслышно пел транзистор.

Петельников сидел, уставившись в пол.

От розыскной, видно, привычки, в нагретом мозгу опять мелькнула мысль о бутылочной записке...

Допустим, ее писали в пивной, что стояла на выступе скалы. Вряд ли, пьяный загнул бы позабористей, да и глины у него под рукой нет. Допустим, писали отдыхающие. Но они бы расцвели записку пляжным колоритом, на хорошей бумаге, шариковой ручкой. Дети? Текст не детский. Шутка? Но шутят весело, да и пишут тогда поспокойнее, а тут буквы лезли, как волны. А язык? «Заточен, ради Христа... И, главное, тревога, неподдельная тревога в этих старомодных словах. Но ведь чепуха: кого и за что можно заточить в наше время?

На сон не было и намека. Лучше гулять по пляжу, чем сидеть в душевой комнате. Петельников передернул плечами от неожиданного холода и вышел в сад...

Он медленно пошел в сторону маяка. Чтобы не мешали камешки, двинулся вдоль берега, горками. Идти было хорошо. Духота пропала, словно осталась в поселке. Внизу слабо плескалось море, донося прохладу. Дорога была плотной, слитой из десятков тропинок в сухой, колючей траве. По краям чернели дубки. Изредка из-под ноги срывался к морю камень, и тогда Петельников останавливался и ждал, пока тот не затихнет под обрывом.

Видимо, минут через сорок — он не смотрел на часы — в дальней

темноте берега зажелтело пятно. Петельников подошел ближе. Заброшенный дом...

Стены его светились не так, как в поселковых домах; может быть, потому, что за ними не было жизни. Окна заколочены досками. Шифера на крыше почти не осталось. Сад зарос низким плотным кустарником. От изгороди уцелели лишь бетонные столбики. И стояла особая тишина — даже цикады не стрекотали.

Вадиму стало весело. Но лучше по-дурацки стоять среди ночи у этой свалки, чем маяться с обожженной спиной на кровати. И уж надо его обойти, коли пришел...

Вдруг послышался звук, похожий на стон, который шел вроде бы не из дома, а откуда-то с сопок, из дубняка. Вадим замер. Тихо. Лишь море хлопало под обрывом. Показалось... Ночью, у заброшенного дома, в безлюдье может почудиться все что угодно.

Он мягко шагнул к стене. Ему захотелось поскорее убраться. Петельников сделал второй шаг и мгновенно понял, что дальше ему не переступить из-за страха. Он резко обернулся...

Сквозь широкую щель в оконных досках на Петельникова смотрел большой глаз. Ниже виднелась плоская скула, мертвенно освещенная луной. После секундного оцепенения оперуполномоченный переступил через бревно, чтобы сорваться и бежать, не разбирая ни дороги, ни направления...

Но глаз пропал. И пропал тот страх, который испытал он, когда впервые на него шли с пистолетами, ножами, железками и кулаками. А тут мистика какая-то.

Петельников присел и описал рукой дугу по земле, как циркулем. Попался кусок, с полметра, стальной трубы. Он схватил ее и прыгнул к входу. Доски, поддетые трубой-ломиком, отлетели. Вадим ударил в дверь ногой и спрятался за стену, опасаясь выстрела или булыжника. Тихо. Лишь проскрипели ржавые петли. Теперь нужно войти, а у него ни фонаря, ни спичек. Он на мгновение высунулся, пытаясь хоть что-нибудь разглядеть. По крайней мере, теперь знал, что у порога никто не стоит и что в доме можно видеть — лунный свет попадал через крупные щели в оконных досках. Он решил — лег за порог, как за бруствер. И стал вглядываться...

Комнат в доме не было, деревянные перегородки, видимо, разобрали на дрова. В доме ничего и никого. Он поднялся и бесшумно вошел. Никого и ничего — лишь грязная бумага, стружки да колючки сухой травы шуршали под ботинками. Петельников еще раз пересек дом и вышел на лунный свет.

— Перегрелся я, — сказал он громко, швырнул трубу в кусты и зашагал к поселку.

Он проспал до полудня. Хозяйка даже заглянула в окно — жив ли постоялец. Постоялец дышал и даже открыл глаза. Первая его мысль была о кошмарном сне, который привиделся от вчерашней жары, — луна, заброшенный дом, большой глаз... Но на стуле лежали джинсы, испачканные мелом.

В комнате нагнеталась духота. О загаре сегодня нечего и думать. Ему казалось, что он похож на того человека без кожи, рисунок которого он видел в медицинской книге — лишь красные мускулы. Загорать нельзя, но купаться можно.

Он встал, почистил зубы, побрился, взял полотенце и пошел к морю...

Петельников кивнул девушкам, которые лежали там же, словно и не уходили. Он разделся.

Море смыло жжение. Мускулы сразу ощутили сами себя, свою энергию и силу. Эта сила, видимо, передалась голове, которая вдруг заработала, как свежая...

Допустим, ночью почудилось от перегрева. Это у него-то? Да, он терял под ударами сознание, но лица нападавших запоминал. А если мистика? Он не верил в сны, в гадания, в приметы, в телекинез, в летающие тарелки... — вот только в интуицию. Значит, глаз был. Может быть, отпускник, не отыскавший комнаты в поселке. Почему же доски? И не спит по ночам? А если это автор записки, «заточенный», то почему же он не закричал?

В мозгу появилась мысль: пойти в милицию, к коллегам. Глупости. Что он им скажет? Ну, дадут ему в помощь, как не знающему местных условий, молоденького оперуполномоченного, у которого свои дела, заявления, жалобы... А скорее всего нет там ни черта. Блажь напала, по службе соскучился.

Но все же нужно сходить туда засветло и тщательно осмотреть дом.

Петельников вышел из воды и опустился рядом с девушками.

— А вы солнышка не боитесь?

— А мы местные.

— Как местные?

— Работаем вон там...

Черненькая махнула головой, и крылья-волосы закачались над галькой, показывая направление. Наверху, на горе, белел санаторий.

— Но вы же весь день загораете!

— У нас вечерние смены.

Медузочка безмолвствовала.

— И как там кормят? — вдруг спросил Вадим, вспомнив, что еще ничего не ел.

Черненькая оживилась:

— Исключительно калорийно.

— Это значит как?

— Много витаминов, белков, вкусовые качества...

— Понятно. А что на первое, второе, третье?

— Меню очень разнообразно.

— А пельмени есть? — поинтересовался он своим любимым блюдом.

— В рации номер три.

Медузочка так и молчала, что-то рассматривая в море, на самом его горизонте. Видимо, умница — только умные люди умеют так молчать.

— Вы нам даже не представились, — обидчиво сказала Черненькая, двигая к нему полиэтиленовый мешочек с вишнями.

— Спасибо. — Он взял вишенку, потом вторую, и сразу набил оскмину. — Разрешите, я буду вас звать Негритянкой, а вас — Медузочкой?

— А мы вас Индейцем, — наконец-то подала голос Медузочка.

— Неплохо, — заметил Петельников.

— Краснокожим Индейцем.

— Пожалуйста, — согласился он.

— Вот и познакомились, — сказала Черненькая тусклым голосом — так, мол, не знакомятся.

Вадим увидел, как рядом с его полотенцем деловито располагается парень — отдыхающие прибывали, надеясь на послеобеденную прохладу. Вот этот парень ему и нужен. Невысок, худощав, но крепок. Спортивная стрижка, короткая. Малозагорелая кожа, красноватая, видимо, недавно приехал. Ему лет двадцать.

Общественность в глазах Петельникова значила много. Он частенько брал на задание дружинников или ребят из оперативного комсомольского отряда. Так почему не пригласить этого парня для осмотра заброшенного дома? Если, конечно, тот согласится. Если, конечно, тот мужчина. Узнать несложно...

— А не пополнить ли нашу компанию четвертым? — предложил он девушкам.

— Этим? — Черненькая кивнула на новенького.

— Как вы его назовете? — спросила Медузочка.

— Бледнолицый, — предложил Петельников, встал и направился к парню.

Но Бледнолицый нацепил маску с трубкой, подошел к берегу и сразу нырнул в мелководье, исчезнув в воде, словно уполз по дну. Хорошо, парень любит физкультуру.

Петельников сел на полотенце и обзрел его вещи. Одежда, сандалии, сумка, две книги... Интересно, какие? Он распластался и чуть прополз, рассматривая гальку, — ему и правда нравились серые отшлифованные поверхности, причудливо расписанные прожилками кварца и кальцита. У самой одежды Бледнолицего Вадим поднял невзрачный камешек и глянул на книги — «Искатель» и «Желтый пес» Сименона. Да этот парень жаждал приключений!..

Когда он вышел из воды, Петельников лениво спросил:

— Как температура в глубинах?

— Нормальная...

— Книги здесь достал или с собой привез?

— Здесь достанешь...

Они разговорились — отдыхающие знакомятся быстро.

Через двадцать минут Вадим уже знал, что Олег приехал из Сибири, работает в леспромхозе и хотел бы познакомиться с Медузочкой или Черненькой.

— Тут погода любовная, — засмеялся он, обнажая белые крепкие зубы, которыми хоть проволоку перекусывай.

— Детективы уважаешь? — спросил Петельников, показывая глазами на книги.

— А то.

— Сам бы хотел дельце распутать?

— Мало ли чего б я хотел... Директором стать, к примеру, а приходится древесину валить.

— Тогда слушай, — заговорил оперуполномоченный строгим и напряженным голосом.

Олег сидел вроде бы спокойно, но глаза под белесой челкой заблестели любопытством и слегка задергалась кожа на скулах. Он уже не смотрел на девушек да и моря не замечал.

— Даешь, — вздохнул Олег завистливо.

— Пойдем вместе?

— Сейчас? — он скрипнул галькой.

— Пусть жара спадет. К вечеру...

Они договорились встретиться у столовой под кипарисом.

— Индеец! — крикнула Черненькая.

— Только окуснуть, — тоже крикнул Петельников, взял у своего нового приятеля маску и нырнул подальше, в глубину. И очутился в зеленом зале, в котором были развешены голубые причудливые светильники — медузы парили рядами. Видимо, их гнал поднявшийся ветер.

Плыл Вадим в охотку.

Петельников убедился, что на юге понятие «вечер» — зыбкое. Он пришел в назначенный час и был удивлен невесть откуда взявшейся темнотой. Олег опаздывал. Капитан купил на всякий случай коробку спичек, потоптался, походил, угостил бесконурную собаку беляшом и присел на камень.

«Общественник» опоздал на час. Он появился из-за угла столовой, беззвучно ступая по рыхлой пыли — она казалась жидкой. Глаза его от лунного света оранжевато поблескивали. А челка пожелтела.

— Чего опоздал? — сурово спросил Вадим, как спрашивал на заданиях.

— Да решил пожрать.

Петельников втянул воздух — от кипариса вроде бы пахнуло ловатым алкоголем.

— Пил?

— Кружку сухонькой бормотухи. Семечки!

Нет, это не походило на розыскное мероприятие. Прогулка, вечерняя прогулка по берегу моря. Впрочем, его новый приятель мог бояться — поход с неизвестным человеком в неизвестное место, да еще в темноте.

Олег тряхнул кистями. Из одного рукава появился электрический фонарь, из другого — короткий стальной прут. Конечно, боялся.

— Идем, — сказал Петельников и шагнул в пыль.

Они пошли. Пока тянулись дома, еще перебрасывались словечками.

— Вечерами что обычно поделяваешь? — спросил оперуполномоченный.

— Известно... Вино, кино и домино. А ты вообще-то кем вкалываешь?

— Автослесарем, — соврал он, чтобы избежать расспросов, да и правда работал когда-то в гараже.

За поселком говорить перестали, тут было безлюдье и тишина. Только пели свою вечную песню цикады, да изредка, когда они пересекали ложины, впадавшие в море, слышался шуршащий налет волн. И запах. Петельников не мог понять, чем это пахнет. Запах казался трогательно знакомым. Вдыхаемый, он ложился на душу, внося какое-то неясное беспокойство. И когда они начали спускаться в овраг, черный, словно его налили тушью, Петельников распознал этот щемящий запах — сено, пахло его родной средней полосой и домом. Трава здесь от жары и безводья сохла на корню. Вадим даже хотел заговорить об этом с Олегом, но тот шагал рядом сосредоточенно.

Хватаясь руками за кожистые листья дубков, они поднялись из оврага, миновали две горушки и увидели белый дом, отливающий матовым блеском.

— Вот он, — вполголоса сказал сотрудник уголовного розыска. Олег не ответил, лишь высунул из рукава стальной прут.

Они смотрели на заброшенные стены, и у Петельникова было такое ощущение, что он высадился где-нибудь на Марсе и должен сделать первый шаг к неземным существам.

— А если их много? — предположил Вадим.

— Раскидаем, — глухо буркнул Олег

Нет, трусом он не был.

Они начали осторожно подходить к двери, переступая пустые консервные банки и горы мусора. Олег шагал гибко, беззвучно. Вадимовы кеды тоже не шумели. Кусты здесь сцепились особенно дружно. Плечо Олега вспарывало их зеленую плоть, и они смыкались за Петельниковым, как вода за пловцом. У двери капитан покосился на окно — меж редких досок зияла чернота. Он даже себе не признавался, что тот глаз казался ему — нет, не страшнее — противнее, чем компания хулиганов.

Дверь была закрыта. Олег пнул ее ногой, и она скрипуче уехала в темноту.

— Свети, — шепотом приказал Вадим.

Яркий луч полоснул сухую землю и ушел в дом, как проглоченный мраком. Они вошли.

В доме ничего не изменилось. Грязная бумага, стружки, клочки сена, пакеты из-под молока... В углу берлогой чернел пролитый вар. Пахло пересохшей бумагой и грязью. И тишина. Даже мыши не шуршат.

Нет, в доме что-то изменилось: у стены лежало бревно, темное от жары и времени.

— Его не было, — Вадим кивком показал на бревно.

— Туристы приволокли.

Впрочем, при лунном свете Петельников мог и не заметить. Олег шарил лучом по стенам и полу.

— Куда ж тут можно пропасть? — спросил он, засомневавшись в рассказе Петельникова о глазе и скуле.

— Черт его знает, — задумчиво отозвался Вадим, поднял с пола сухой комочек и растер: глина, зеленая глина. Та самая, которой была запечатана бутылка.

— А это что? — вдруг спросил его помощник и показал себе под ноги.

Линия-щель в досках пола оконтуровала четкий прямоугольник. Подпол, в доме подпол. Своим металлическим прутом Олег поддел крышку. Приоткрылась она легко. Петельников схватил ее, поставил на ребро и заглянул вниз, вслед брошенному туда фонарному лучу — там ничего и никого не было.

Фонарь вдруг погас. И в тот же миг стальной прут врезался сзади в шею капитана...

Он рухнул в подпол и потерял сознание...

Очнулся Петельников, видимо, от боли в затылке. Он ощупал себя и повертел головой — удар прута лег чуть ниже шеи и позвонков не повредил. Саднило лоб, на котором запеклось немного крови. Слегка подташнивало. Видимо, сознание он потерял, ударившись головой о стены подпола.

Тьма стояла такая, что ее хотелось разгрести руками и сделать в ней какой-нибудь серенький проход. Подвал рыли на совесть. Метра три глубиной. До люка над головой руки не дотягивались — хватали

только мрак. Забыв о брезгливости, Петельников начал шарить по каким-то стружкам и опилкам, собирая куски древесины. В углу нашел помятую жестяную канистру. Из мусора вывернул полкирпича. Нескольким реек оторвал от стен, на которых когда-то держалась дощатая обшивка. И стал сооружать из всего добытого что-то вроде подставки или пирамиды. Это шаткое сооружение его выдержало, задрожав от тяжести. Он дотянулся до половиц люка, уперся в них и тут же понял, что крышку придавил такой груз, который снизу человеку не поднять. Бревнышко! Специально припасенное бревно метра на четыре. Тут и с лестницы не поднять. И все-таки он попробовал еще, напрягаясь из последних сил, пока его пирамида не рассыпалась и ноги не осели на пол. От напряжения усилилась тошнота. Кровь стучала в затылке и шее так, словно этот Олег продолжал ритмично бить своим прутом. И дрожали колени.

Петельников отдохнул. Подкоп, нужен подкоп. До моря тут недалеко — обрыв же. Найти бы консервную банку или какую-нибудь железку. Он вспомнил про спички, купленные в столовой.

Оперуполномоченный чиркнул одну и закрыл глаза — маленькое желтое пламя показалось атомной вспышкой. На второй спичке глаза привыкли. Он осмотрелся...

Мусор и пыль... Доски от стен сорваны. Ни одной железки, кроме мятой канистры. Да и не поможет тут никакая железка — подпол был выбит в серовато-зеленой глине, крепкой, как асфальт. Ее взял бы только лом, и Петельников теперь не знал, в какой стороне море.

Поджечь, поджечь мусор, куски дерева и половицы над головой — пусть горит этот дом ясным огнем... Доски выгорят, и он выйдет. Нет, не выйдет, — он сгорит первым. Скорее всего, задохнется дымом.

Стучать в половицы, пока кто-нибудь не услышит. Он схватил рейку и ударил в доски над головой, но гнилое дерево разломилось на несколько кусков. Петельников схватил вторую — она тоже обломилась еще в руках.

Тогда кричать. Он замешкался, не зная, что выкрикивать. Караул, помогите? Ему, оперуполномоченному уголовного розыска, кричать такие слова... И он заорал: «А-а-а... стараясь звуком прошибить могильные стены.

Не зная уж и зачем, он вновь зажег спичку и стал осматривать пол. Ничего. Мусор, тьма и глухие стены. Много бумажек, желтых, полустлевших, как клочки папируса. Один, неожиданно свежий, лежал поверху. Он поднял его, чиркнул новую спичку и осмотрел. «Ава, доченька... Заточенный! Тот же почерк, тот же карандаш, что и в бутылочной записке.

Вот, значит, как. В этом доме сидел человек, который написал записку, сунул в бутылку, запечатал глиной и, видимо, незаметно швырнул меж оконных досок под обрыв. Потом его опустили в этот подпол, где он тоже пытался что-то написать, но, вероятно, не успел. «Ава, доченька...» Скорее всего помешал он, капитан, когда подошел ночью к дому. Этот человек, заточенный, стар, у него есть дочь со странным именем Ава, которая живет, видимо, в поселке. Этот человек наивен, коли полагается на такую почту

Да, но при чем тут он, Петельников? Он-то как попал в поле зрения тех, которые заточали или что там делали? Попал просто. Его запомнил тот самый глаз. Может, глаз и был Олегов? Нет, того Олега к нему подослали, чтобы убрать. И вот капитан милиции сидит в подполе...

Нелепость. Жуткая нелепость. Ему стало обидно до боли в скулах, и эта обида предательски двигалась к глазам... Что ж — смерть в подвале?

Оставалось надеяться на случай. Сюда мог забрести турист или могли переночевать отпускники. Оставалось ждать. Поэтому нужно беречь силы.

Он лег на мусор и начал слушать землю.

Больше всего он страдал от беляшей, съеденных вечером, — хотелось пить. Если он умрет, то от жажды. Болела голова и шея. Он не знал, ночь ли еще, утро или пошел второй день — часы его стояли. В темноте и тишине время словно замерло. И мерить его он мог только степенью жажды.

Видимо, он дремал. Или забывался. Тогда видел майора, который подергивал сидящие усики и повторял: «Эх, капитан... За ним, за майором, на маленьком столе стоял пузатый графин с водой. Вадим пытался его схватить, поднимал руку, но слова начальника: «Эх, капитан» — останавливали.

А майор вдруг сказал: «Эх ты, Сивый». Петельников удивился — он был темный: белая кожа и черные блестящие прямые волосы. Он удивился и открыл глаза, вперившись взглядом в темноту.

— Сивый, рви эту, — глухо сказал наверху вроде бы женский голос.

Петельников вскочил и крикнул не своим, хриплым дискантом.

— Эй, кто там!?

Наверху моментально все стихло.

— Откройте, откройте!

Быстрый звук каких-то шлепающих — босых? — шагов пересек дом с угла на угол. Видимо, это были ребята, которых испугал его замогильный крик.

Он схватил рейку и начал стучать — дети любопытны, должны вернуться. Но рейка сразу же обломилась. Тогда он стал хватать обломки и швырять их в крышку подпола. Ноги дрожали, сверху сыпался песок, в ушах стоял гул, не хватало воздуха, а он швырял и швырял...

— Кто стучит? — спросил звонкий голос.

— Ребята, откройте! Скорее откройте!

— Тут бревно...

— Позовите взрослых! Только не убегайте!

— Попробуем рычагом. Сивый, давай-ка, ты гантели жмешь...

Они завоились, кряхтя и поругиваясь. Видимо, не могли найти подходящего рычага. Потом что-то застучало, потом покатилося, потом упало... И вдруг — тишина.

Петельников напрягся, непроизвольно взметнул руки туда, к полу дома, к своему потолку...

В тишине неуверенно скрипнуло, но не так, как скрипят железные петли дверей и калиток, а глуховато, когда доска трется о доску. И Петельников увидел над собой прямоугольник света и две головы.

— Ребятки, детки... — пробормотал он, бросился вверх, но не допрыгнул, сорвался и упал на колени.

Ребята опустили широкую доску, по которой он выполз муравьем...

Жаркое солнце через открытую дверь ударило ему в лицо. Он схватился за глаза и притих.

- Сколько времени? — хрипло спросил он.
— Часа три, — ответил высокий смуглый мальчик.

Вадим просидел ночь и полдня и теперь по-дурацки улыбался, радуясь белому свету.

— А зачем вы туда залезли? — поинтересовался другой перенек, Сивый.

- Меня посадили.
— Кто?
— Да шутник один, — счастливо ответил Петельников.
— Это не шутник, — усомнился высокий.

И тут капитан увидел на полу литровую банку воды — оказывается, пресная вода имеет отнюдь не пресный вид.

— Попить хотите? — спросил Сивый.

Вадим проглотил воду одним большим глотком, отдышался и тихо сказал:

— Спасибо, ребята. Вы спасли мне жизнь.

Они смотрели настороженно — из погреба, из-под бревна, вылез грязный, небритый, окровавленный мужик, сообщил какие-то глупости и выпил банку воды.

— Ну, ребята, поговорил бы с вами, да надо искать того шутника...

— Будете бить? — заинтересовался Сивый.

— Нет, не буду.

— Боитесь?

— Я против самосуда. И потом, бить надо меня: влип как новичок. Юг действует, — вздохнул капитан. — В милицию его сдам. Братцы, еще раз спасибо.

Он спустился к морю, почистил одежду и смыл кровь, отчего защипало рассеченную кожу. И, махнув двум фигуркам на обрыве, пошел к поселку...

— Ой, боже, — хозяйка так и села на скамейку перед домом. — А я уж хотела в милицию бежать.

— Приятеля встретил, — пробормотал оперуполномоченный, не придумав по дороге никакой приличной версии.

Но хозяйка придумала моментально. Видимо, его вид не вызывал сомнений.

— В вырезвитель попал?

— Ага, — обрадовался Петельников.

— Похудел-то как... Иди, поешь.

Почему-то вырезвитель вызвал нежность. Она налила тарелку горячего супа и поставила свои, отборные помидоры.

Доев суп, Вадим почувствовал прилив необоримого сна. Хозяйка еще что-то говорила о плодояжке, которая поселилась на яблонях, но его уже тянула кровать.

Он пошел в свой домик. На стуле лежала книга и его авторучка. На столе краснел термос с чаем, залитым еще вчера. Висело полотенце, давно высохшее. Рубашка, выглаженная еще дома...

Он стянул грязную одежду и упал на кровать. Так сладко ему не спалось даже в детстве. Он перевалил бы на ночь, не звякну хозяйка под окном собачьей миской.

— Чайку попьешь? — спросила она.

— Еще во сне мечтал.

Голова не болела. В мышцах появилась спортивная свежесть. Он хотел чайку и зверски хотел есть, словно пахал. Поэтому извлек из своих запасов банку сгущенного молока и кружок полукопченой колбасы, а хозяйка поставила громадную миску пузатых помидоров.

— С кем шлопутничал-то?

Этот вопрос ему и требовался.

— Местный. Олегом звать...

— Чего-то не припомню.

— Невысокий, сухощавый, с челочкой...

— Может, сын Федора? Так он в армии.

Значит, не местный. Тогда его не найти. Но ведь он не один. И есть жертва. «Ава, доченька...

— Вы давно тут живете?

— И, милый, лет двадцать пять. И горы знаю, и море.

Моря она не знала. Она даже в нем не купалась, хотя ей было не больше пятидесяти.

— А вы украинка?

— Какая тебе украинка? — удивилась хозяйка. — Новгородская я.

Она попробовала копченую колбасу, сразу растрогалась и выставила миску больших желтых груш. Казалось, уколи грушу иголкой — и она вся вытечет в миску.

— А татары живут?

— Есть три семьи.

— Значит, я слышал татарское имя. На пляже девушку называли Авой.

— Так это не татарское, — обрадовалась хозяйка его ошибке. — Это же Григорий Фомич кликал свою дочку.

— Странное имя, — удивился Петельников.

— Звать-то ее Августой. А Фомич зовет Авой. Как собаку, прости господи. С другой стороны, и Августой звать неудобно. Одно бесиво получается.

— Что получается?

Капитан уже слышал, как она этим словом называла Букета, когда тот отказывался есть кашу.

— Бесиво, говорю, — объясняла хозяйка. — Бесиво и есть бесиво.

Он понял: от беса, значит.

— А они местные, Фомич-то с Августой?

— Да, по Виноградской живут, последний дом, у табачного поля.

Ему сразу расхотелось есть. Ноги, его длинные ноги, сами собой переступали под столом.

Петельников определенно знал, что работает оперуполномоченным уголовного розыска не из-за денег. Он работал и не потому, что не мог бы найти другого места. Он работал не потому, почему работали многие люди, которые, раз ступив на определенную стезю, уже не смогли с нее сойти. Он работал и не ради звания, престижа или мундира... Любознательность, любознательность и любопытство двигали им на трудных розыскных дорогах. Он считал, что у человека, кроме таких известных инстинктов, вроде сохранения жизни и продления рода, есть инстинкт любопытства, о котором люди редко вспоминают. И он ничуть не слабее остальных.

Он вышел из дому и побрел по улочкам.

Петельников поднялся на гору, заглянул в санаторий, мелким ша-

гом сошел опять в поселок и все-таки оказался на Виноградской улице, хотя собирался в местный отдел, к коллегам. И двинулся по ней, до ее конца.

Он усмехнулся. Ну, придет. Здравствуйте. Здравствуйте. Вы Григорий Фомич? Я Григорий Фомич. А это ваша дочь Ава? А это моя дочь Ава. Помидоров не продадите ли? Продам, а сколько кило возьмете?

Самодетельность какая-то. И чего, спрашивается, так загорелся? Может, обида? Личная?..

Виноградная улица кончилась. Табачное поле подходило только к одному беленькому дому, который ничем не отличался от других. У проволоочной изгороди стояла женщина. И он почему-то сразу решил, что это Августа.

— Здравствуйте, — сказал Вадим, не имея никакого плана.

— Здравствуйте, — негромко ответила она.

Ей не было тридцати. Симпатичное лицо с глубоко вьевшимся загаром. Слабоголубые, не южные глаза. Волосы, отбеленные солнцем. Крупные ладони с грубоватой кожей, задубевшей на виноградниках и табачных плантациях.

Она вопросительно смотрела на гостя. Ему оставалось только спросить про помидоры.

— Дачников пускаете?

— Мы вообще не пускаем.

— Дом громадный, а не пускаете, — удивился он.

— Одна большая комната да кухня. Некуда пускать.

Говорила она спокойно, чуть улыбаясь неопределенной улыбкой.

— Может, есть какая пристройка? Вторую ночь сплю у моря...

Она поверила, улыбнулась, но промолчала.

— Или с вашей мамой поговорить? — не сдавался капитан.

— Мамы у меня нет.

— Ну с папой?

— Отец уехал.

Она попыталась улыбнуться, но на этот раз улыбка не получилась — только шевельнулись губы. Отец уехал. Все правильно. Его и не должно быть.

— Пожалейте человека! — заговорил капитан с подъемом, который появился, стоило ему услышать про уехавшего отца. — Есть у вас беседка, сарай, кладовка, чердак? Я не варю, не стираю, не пью и не курю.

— Беседка есть, — задумчиво сказала она, скользнув взглядом по ссадине на лбу.

— Чудесно! Я буду платить, как за комнату.

Она усмехнулась:

— Живите. Только беседка без крыши.

— Зачем на юге крыша? Спасибо, побежал на пристань за вещами...

Возможно, он опять лез в яму. Но теперь была откровенная борьба, где удара в спину он не допустит, потому что в борьбе его ждешь.

Вадим испытывал лишь неудобство перед хозяйкой — все-таки съели не одну миску помидоров. Она поджала губы и села у калитки, как бы показывая, что путь свободен. Она даже ни о чем не спросила. И гордо не взяла деньги за три дня вперед, которые он хотел ей вручить в порядке компенсации за ущерб, причиненный досрочным освобождением квартиры.

Но не объяснять же.

Капитан привык работать по версиям. Несведущему человеку показалось бы, что он играет в детектива, полагая загадкой то, что и так очевидно. Но для сыщика нет очевидных положений — для него есть версия проверенная и версия непроверенная.

Очевидно, что этот Олег на пляж не пойдет... И все-таки... В его практике был случай, когда правонарушителя искали по всему Союзу, а он ночевал на месте своего преступления.

Петельников вернулся к морю.

Вадим спустился к воде и оглядел прореженный пляж. Конечно, его тут не было. И не могло быть. Но девушки, Медузочка и Черненькая, сидели на гальке плечом к плечу.

— Рад, что вы не сгорели, не утонули и не объелись вишнями, — приветствовал их Петельников, усаживаясь на свой объемистый портфель.

— А вы объелись? — спросила Черненькая.

— Я тут с голоду помираю...

— А откуда у вас ссадина?

— Неудачно нырнул.

— Уезжаете? — поинтересовалась она, окидывая взглядом его одежду и портфель.

— Нет, он не уезжает, — сказала вдруг Медузочка, всматриваясь в море, словно она так и смотрела в него со вчерашней встречи.

— Да? — удивился Петельников.

— Ведь блатные не уезжают, — объяснила Медузочка, — а смываются.

— Вы про меня? — уже не удивился он.

Его друг, следовательно прокуратуры Рябинин считал, что их работой должны бы заниматься лишь одни женщины, не имеющие мускулов, но обладающие той интуицией, которой не хватает мужчинам.

— А разве не так? — спросила она.

— А разве похож?

Медузочка повернула голову, одарив его взглядом своих огромных немигающих глаз. Красива. Если бы его отпуск был подлиннее. Если бы он не попал в эту историю. Если бы не так жарко. Если бы он признавал пляжные знакомства...

— Вы, может быть, и не очень похожи, — вмешалась Черненькая, — но ваш приятель... Жаргон, нахальство, татуировка.

— А где он сейчас?

— К вам же вчера пошел, — сказала Медузочка. — Вы, наверное, такой же?

Она вновь повернулась к нему, и Петельников с удовольствием посмотрел ей в глаза.

— Нет, я не такой же, — серьезно ответил капитан.

— Но и не отдыхающий, — серьезно возразила Медузочка.

— Как-нибудь все расскажу, — пообещал он и глянул на часы: его ждала Ава, если, конечно, ждала.

Как-нибудь им расскажет. Не для того, чтобы обелить себя. Кто он? Случайный знакомый. Нет, расскажет для того, чтобы в их сознании не накапливался тот горький опыт, который в отличие от опыта хорошего почему-то зовется «жизненным».

Как-нибудь он им расскажет — Петельников думал, что у него еще будет время для этого «как-нибудь».

На беседку у строителя пошло ровно четыре легких столбика и несколько реек. Но крыша и три стены были — из живой зелени, поэтому она походила на лохматую пещеру. Это, пожалуй, была и не беседка, а кусок пространства в винограднике, скрытый от глаз плотной листвой. Дождь не страшен. Прямо на земле стоял узкий деревянный топчан. Вместо стула темнел чурбачок. Просто и удобно. И романтично — вот только сарайчик, который, видимо, начали перестраивать, портил вид.

Новая хозяйка принесла постельное белье и бросила на доски.

— Как вас зовут? — спросил он.

— Августа.

И ушла, не поинтересовавшись, нужно ли ему что, удобно ли... Даже не улыбнулась. Может быть, потому, что они вступили в официальные отношения — теперь он уже не уличный прохожий, а жилец. Но она вернулась и грубовато спросила:

— А паспорт есть?

— Боитесь, что приютили шпиона? — пошутил он и протянул документ.

Она взяла паспорт, посмотрела фамилию, вернула и все-таки улыбнулась. Оперуполномоченный счел это сигналом к беседе, но Августа уже исчезла в винограднике. Почему она вздумала проверить паспорт? Тут к отдыхающим привыкли и документы брали только на прописку. Где ее отец? Почему она так нелюбезна? И почему у нее грустная улыбка? Впрочем, для этого он тут и поселился — ответить на вопросы.

Он поселился для этого. Но она-то зачем пустила дачника в эту нежилую беседку? И уговаривать долго не пришлось. Даже не спросила, на какой срок. Или это опять ловушка?

Южный вечер стремительно опускался на поселок. В беседке уже потемнело. Делать в новом жилище было совершенно нечего. Ни света, ни стола. Пугать тишину приемником не хотелось, да и поселился он, чтобы слушать отнюдь не транзистор. Капитан пошел на улицу.

Августа опять стояла у изгороди, словно кого-то ждала. Он тоже остановился, чуть было не пригнувшись, как классический детектив, к ботинкам, дабы завязать шнурок. И посмотрел туда, куда смотрела она, — в небо.

Солнце опустилось за самую могучую вершину, и оттуда веером расходились морковного цвета раскаленные лучи. Горы сразу посинели. Лощины сделались черными и узкими. Запахло табачным полем.

— Красиво, — сказал капитан.

Она молчала. Ее белые волосы порозовели — к ним прорвался отставший от уходящего солнца луч.

— Воздух у вас сухой и теплый.

— Вот и дышите.

Откровенности он не ждал, надеясь лишь на вежливую беседу. Ему же грубили. Он мог обидеться, будучи на свидании, где-нибудь в магазине, в приятельской беседе... Но на службе капитан был неуязвим.

— Виноградник у вас густой...

— Отдыхайте-отдыхайте, — перебила Августа и пошла в дом.

А может, она хотела отвязаться; надоели им тут отдыхающие своими пустопорожними разговорами, бездельем и гамом. Но Петельников уйти не мог, потому что она была дочерью того человека, из-за

которого ему не повезло с отдыхом. Не поэтому... Потому что по своей воле он ни разу не ушел от нераскрытого преступления.

Вадим решил пройти по синееющим улицам — уж очень не хотелось сидеть в винограднике.

Побродив, он вернулся в беседку и прилег на свое узкое ложе.

Не спалось, да ведь недавно и встал. И нечем заняться. Ни почитать, ни послушать последние известия. Чувство заброшенности и оторванности от мира вдруг захлестнуло его — это на юге-то, где на пляже яблоку негде упасть. Он лежал на топчане в этих кустах и смотрел в овальную дыру, которую оставили листья в живом потолке. В ней светлело ночное небо — значит, вышла луна. Значит, пришла ночь. Он лежал и слушал спящий поселок...

Вадим решил обзреть дом, куда завтра собирался проникнуть. Повернувшись на своем несгибаемом топчане, он раздвинул листья, глянул в залитый луной сад и сжался...

У беседки, как привидение, стояла белая Августа с поднятым ружьем.

Секунду или две он не мог шевельнуться. Затем с силой оттолкнулся и скатился под топчан — его толстые доски могли спасти от пули...

Но выстрела не прозвучало. Выждав, он отвел в сторону листик и посмотрел в сад одним глазом — там никого не было. словно все показалось. Тишина.

Он вылез из-под топчана, унял дрожь в ногах, сел на чурку и начал ждать рассвета.

Получалось, что Августа заодно с Олегом. И он снова в ловушке. И жив ли ее отец? Жив ли тот старичок, который писал «заточенный» и «Христа ради»? Капитан представлял его маленьким и чудаковатым.

День возвращался нехотя. Сначала потускнела луна и откатилась куда-то в сторону. Потом стало прохладно — он даже набросил на плечи одеяло. Затем бешено зачирикали воробьи. По улице пробежал человек — занимать место на пляже. И сразу ударило в глаза утро: розово засветились вершины гор, дунул с моря ветерок, шумно задышали белесыми листьями пирамидальные тополя, зафыркали машины и заскрипели двери. В доме Августы тоже стукнуло.

Петельников встал и пошел к шлангу. Горная вода окатила грудь и спину, сняв ночную бессонную вялость. Одевшись, он решительно подошел к двери. Медлить больше нельзя. Нужно отобрать ружье и эту Августу доставить в милицию. Если ночью ей что-то помешало расправиться с ним, то может не помешать в любую другую минуту. Скорее всего она в доме одна — иначе бы к беседке ходил мужчина. И не с ружьем, а с финкой или ломиком. Видимо, не ожидали, что он будет ночевать в их логове, и не приготовились.

Все-таки Вадим решил заглянуть в окно, чтобы не нарваться на засаду...

В кухне сидела Августа и плакала...

Он постучал по стеклу и вошел. Она подняла голову, вытерла глаза и вопросительно глянула на него. Не смутилась, хотя сидела в слезах, да и ночью покушалась на человека. Видимо, сильно страдала.

— Какая-нибудь неприятность? — спросил он.

— Что вам надо?

— Может, нужна помощь?

— Ах, отстаньте!

Говорила она грубо — грубыми были тон и слова, но ее растерянное лицо, казалось, не имеет отношения к этой грубости.

— Августа, доверьтесь...

Она махнула рукой и откровенно разрыдалась.

Жалость вдруг охватила капитана, сразу лишив инициативы. Видимо, эта жалость существует рядом с интуицией, ибо он мгновенно понял, что Августа не преступница и никогда ею не была — хоть стреляй она в него из своей двустолки.

— Успокойтесь... — вяло сказал Петельников.

— Сейчас же уходите! — Она вскочила и зло смотрела на него сквозь дрожащие на веках слезы. — Освободите беседку и убирайтесь!

Обессиленный жалостью, он сделал шаг назад и тихо сказал:

— Ава...

Она испуганно осмотрелась — искала того, кто мог ее так называть. Но его в кухне не было. Тогда она впиалась взглядом в лицо Вадима и почти неслышно спросила:

— Кто вы?

— Ваш друг.

Она молчала, рассматривая его тем же проникающим взглядом.

— Даю честное слово, что хочу вам помочь!

Августа молчала. И тогда он решился, поверив своей интуиции:

— Я из уголовного розыска.

Она помолчала.

Вадим достал из потайного кармана удостоверение и предъявил.

— Так бы сразу, — вяло и чуть облегченно улыбнулась она.

— Расскажите все по порядку и подробно, — сказал он, сразу заторопившись, словно предъявленное удостоверение вернуло его на работу.

Августа задумчиво опустила на стул. Лишь бы не спросила, что он знает обо всем этом странном деле... Но она спросила другое, потруднее:

— Что-нибудь случилось с отцом?

Случилось... Это неопределенное слово употребляют, когда боятся спросить, жив ли человек.

— С ним все в порядке, — твердо ответил капитан, хотя и сам толком пока ничего не знал.

— Отец перестраивал сарай. Менял пол, копал ямы для столбов... Он на пенсии. На той неделе прихожу с работы, а его нет. Потом пришел какой-то парень и передал, что отец получил телеграмму из Воронежа, от своей сестры, и уехал к ней. Спешил на нужный поезд.

— А он собирался в Воронеж?

— Собирался, но осенью. А тут уехал вдруг. Даже записки не оставил.

— Чего ж с Воронежем не связались?

— Как же... Звонила, да не отвечают. Телеграмму послала. Может, тетя в больнице...

— А парня раньше видели?

— Не местный. Сказал, что встретил отца на пристани. Невысокий, беленький...

— С челкой?

— А вы его знаете?

Вадим знал — до сих пор ныла шея и саднило голову.

— Почему вы хотели в меня стрелять? — ответил он вопросом и положил ладонь на ее горячую руку.

— У меня патронов-то нет, — улыбнулась Августа, но сразу тре-

можно закаменела лицом. — Когда я на работе, кто-то ходит в дом. А ночью ходят по двору...

— Кто ходит?

— Не знаю. Позавчера лазили в подпол и разворотили печь. Вчера кто-то ползал в винограднике. Я вас пустила для безопасности. А потом думаю — вдруг и он из тех, кто лазает по дому. На отдыхающего-то вы не похожи.

Медузочка уже это говорила. Но на кого же он похож?

— Вот я и решила вас поугадать, — слабо улыбнулась она.

— А чего в милицию не пошли?

— Сегодня уж собиралась...

В доме что-то искали. И это было связано с отцом. Для немедленных действий оперуполномоченному не хватало информации, которую он мог получить только в местном уголовном розыске. Телефон для этой цели не годился, а ехать в отдел далеко, день потеряешь. Он не мог бросить растерянную женщину на милость негодяев, которые, видимо, были способны на все.

— Августа, может, у отца есть какие-нибудь ценности или деньги?

— Откуда... Мы даже жильцов не пускаем.

— Какой-нибудь документ, — предположил Вадим.

Она пожала плечами.

— Не было ли у отца в биографии... В общем, так. Вы никому не говорили, что поселился жилец?

— Никому.

— Этот день и ночь я посижу в беседке. Показываться не буду. Дом просматривается хорошо. Правда, двух окон не видно, но они выходят на улицу, оттуда вряд ли полезут.

— Ставни есть...

— Теперь можете жить спокойно, — ободряюще улыбнулся он.

Августа тоже ответила улыбкой:

— Я буду носить вам еду.

Когда она грустила, ее глаза едва голубели, становились прозрачными, словно промывались подступившими слезами.

Весь день капитан просидел в беседке, стараясь не шелестеть и не кашлять.

Он не сводил глаз с дома, который спокойно сиял белыми боками. Кроме рыжей кошки, никто к двери не подходил.

Часам к пяти вернулась Августа и принесла ему поесть. Она вроде бы успокоилась. Ее волосы сухо шуршали и, казалось, вот-вот начнут ломаться, как солома.

Он пил молоко, а она стояла у входа — если только был такой вход, — и солнце било ей в спину, казалось, просвечивая ее насквозь.

Вадим взял лист и написал: «Сколько вам лет?» Она усмехнулась и циркнула на уголке, как поставила резолюцию: «Женщин об этом не спрашивают».

«В милиции спрашивают».

«Все мои. А сколько вы тут собираетесь сидеть?»

«До победного конца».

«Оружие у вас есть?»

«У меня в портфеле гранаты».

«Сами-то не взорвитесь. До свидания!»

«До утра ко мне не приходите».

Она улыбнулась и помахала рукой.

Оружие у Вадима было — под топчаном лежал чугунный пест, который он взял в разобранном сарае. Такие песты выпускали вместе со ступами. Вроде бы в них геологи толкут камни. Оружие у него было — не было тех, кого он ждал.

От хорошего обеда да от бессонной ночи капитан неожиданно заснул. Когда открыл глаза, уже смеркалось. Он испугался, что проспал все на свете, но, увидев Августу, поливающую цветы, успокоился. Значит, за это время ничего не случилось.

Он научился определять жизнь курортного поселка на слух...

Вот людская волна откатилась с пляжа. Вот она растеклась ручейками по домам. Кончилось кино. Замолкли картежники на веранде у соседей. Давно погас свет у Августы. Совсем темно.

Шла ночь. Петельников отмечал каждый звук и вглядывался. Ему показалось, что глаза настолько привыкли к темноте, что уже видят все без помех. Бочку воды, скамейку на крыльце и черные помидоры у беседки.

Где-то упало яблоко. Упало и вроде бы покатилося. Опять стук, за ним второй, третий... Или это шаги? Все смолкло.

Капитан сидел на топчане, напряженно вслушиваясь, вцепившись руками в доски. Мало ли звуков у ночи... Показалось.

Но звук повторился. Теперь он уловил ритм шагов. Они доносились с улицы. Мог идти пьяный. Но почему он крадется? Опять все стихло.

Минут через десять что-то зашуршало у него за спиной. Он мгновенно лег на топчан и оглянулся. Шуршало в зеленой изгороди, которая закрывала участок со стороны табачного поля. Эта загородка проросла шипами и колючками и была надежнее проволоочной сетки. Шуршало в ней осторожно и настойчиво, с каким-то легким звоном, какие издают сухие стручки. Он бы не придал этому значения, не будь перед этим вкрадчивых уличных шагов. Поэтому ждал — чем же кончится звончатый шорох. Словно перекусывали колючую проволоку...

Сначала показалась голова, а потом и весь человек. Плоскоскулый... Плоскоскулый! Тот поправил кепку, положил на широкое покатое плечо лопату и повернулся к изгороди. Оттуда вылезла невысокая худощавая фигура, которую Вадим узнал бы и без лунного света. В руках он держал ломик. Плоскоскулый что-то ему шепнул, и они пошли прямо к беседке.

Капитан сжался и нащупал пест. Под рубашкой вспотела спина. Ну что ж, двое на одного...

Они поравнялись с беседкой. Капитан затаил дыхание. Стоило кому-нибудь из них присмотреться, и он бы увидел на топчане белеющее лицо. Но они прошли мимо, к сарайчику.

Олег положил ломик на землю, взял лопату и начал копать. Делал он это быстро, поблескивая сталью. Видимо, рыл по рыхлому грунту. Ну да, ямка для столба... Плоскоскулый повернулся спиной к беседке.

Под лопатой глухо стукнуло. Олег упал на колени, запустил руку в яму, вытащил какой-то сверток и положил его на землю осторожно, как новорожденного. Плоскоскулый стремительно нагнулся к этому свертку...

Теперь! Один на коленях, второй согнулся. Пест бы взять... Но пестом ему нельзя. Это они могут ломами, ножами, кастетами. Теперь — у него есть полсекунды.

Вадим взвился с топчана и пять метров до сарая пролетел пти-

цей. Олег успел только поднять голову. Плоскоскулый успел только обернуться. Но капитану и нужно было, чтобы тот обернулся, потому что бить по затылку он не привык. С налету, с силой ударил он — плоскоскулый, зацепившись ногами за лежащее бревно, рухнул на доски и затих. Следующим рывком Петельников схватил руку так и не вставшего Олега и завернул ее за спину. Тот скорчился.

— Тебя бы надо ломиком по затылку, — сказал Вадим, слегка опуская его кисть.

Залаiali собаки, почуяв неладное. Из-под дома шарахнулась кошка. Где-то скрипнула дверь.

Петельников нагнулся, поднял свободной рукой плоский камень и швырнул его в дом. Окаатыш ударился о стену и отскочил в железную бочку, которая отозвалась пустым звуком.

Сразу засветилось окно. Через полминуты белая фигура осторожно возникла на крыльце и замерла, боясь ступить в сад. Без ружья, а вот теперь оно было бы к месту.

— Августа, принесите веревку, — весело крикнул капитан. Она пропала в доме. Когда появилась вновь, то пошла к Вадиму — опасно, как бы пробуя землю ногой и не доверяя ее твердости. Увидев Олега, Августа прижала ладони к груди и так стояла, пока оперуполномоченный вязал ему руки. Словно дождавшись своей очереди, зашевелился плоскоскулый. Капитан посадил его на бревно. Увидев его в лунном свете, Августа вскрикнула.

— Что? — быстро спросил Петельников.

— Бочкуха...

— Какая бочкуха?

— Фамилия. Через два дома живет...

— Где ее отец? — рыкнул Вадим.

— В моей кладовке спит, — выдавил из себя Бочкуха, потирая щеку и подбородок.

— Как же они водили его по поселку, к морю? — удивился Петельников, связывая за спиной руки плоскоскулого.

— У Бочкухи «Москвич», — сказала Августа.

Она уже нетерпеливо отстранялась от них в сторону бочкухинского дома.

— Августа! — остановил ее Вадим. — Дойдите до почты и позвоните в милицию.

Она без слов ринулась на улицу.

Петельников посадил Олега рядом с дружком. Со связанными руками далеко не убежишь, да и куда им бежать?

Теперь можно было посмотреть и сверток, ради которого, видимо, эта пара орудовала.

Капитан поднял его на доски, ощутив странную для столь небольших размеров тяжесть. Под мешковиной оказалась какая-то труха, словно мыши ели бумагу или ткань истлела. В этой трухе лежали странные дугообразные предметы. Он тронул один, ощутив холодный металл.... Золото!

Стояла какая-то нереальная южная ночь.

Казалось, запахи табачного поля, помидоров и сухой пыли вытеснили воздух. За спиной джунглями чернел виноградник. На бревне сидели двое связанных. Маслянисто поблескивали золотые браслеты. И золотом горела луна.

В этой странной ночи вдруг сипловато сказали:

— Закурить бы.

Бочкуха шевельнул плечом, готовый закурить.

— Потерпишь, — буркнул капитан.

— Мне б спросить кое о чем...

— О чем?

— За что стараешься, парень? — глухо, но напористо заговорил задержанный. — Премию хочешь в размере оклада? Иль дополнительный отпуск на шесть ден? Али приобрести за нас цветной телевизор?

— Не дадут? — любопытствовал Вадим.

— Шире варежку разевай, — почти весело вдруг вставил старый знакомый.

Петельников втянул носом воздух: кислый запах обволакивал этого Олега, который, видимо, трезвым был только однажды — тогда на пляже.

— Неужели вы цветного не стоите? — развеселился и Петельников.

— Чего время терять да зубы скалить! — озлился Бочкуха. — Вон твоё счастье лежит, в этих безделушках. Никто, окромя нас да придурюшного старика, о них и не знает. Отпусти, сбежали, скажешь... А золотишка, мол, и не видел. Не будь дурнем, парень, такого форта тебе не подвалит...

— И сколько дадите? — любопытствовал оперуполномоченный.

Надежда так и рванула Бочкуху вверх, как обескрыленную птицу:

— Кило хватит?

Он бы взял — показать ребятам в своем райотделе. А то ведь не поверят. Значит, так: он входит, вытаскивает из карманов изделия и кладет на стол начальнику. Что это? Золотишко, ровно кило. Откуда? Привез с юга. Как так? Заработал частным сыском. А вас теперь звать случайно не Монте-Кристо?

— Ну?! — остервенело спросил искуситель.

— А сколько тебе лет? — вдруг поинтересовался Петельников.

— Пятьдесят четыре.

— Ого! Уже можно звать «папаша».

— И что?

— А то, что пятьдесят четыре года прожил, и все зря.

— Почему же зазря? — насторожился плоскоскулый.

— Неужели за пятьдесят четыре года, дядя, ты не нашел в жизни ничего дороже золота?

— А и не нашел! — отрезал Бочкуха. — Ты ж дурило, тебе ж счастье прет в руки, а ты его пинаешь. С золотишком ты же царь жизни! Бабу какую хошь, товар какой хошь...

— И все?

— Чего все?

— Кроме баб и товара, больше ничего и не знаешь?

— А ты знаешь?

— Эх, дядя. Да купался ли ты в море? В нем же одуреешь от счастья...

— Парень, ты пощупай золотишко-то, пощупай! — не сдавался Бочкуха.

Вадим пощупал. Оно оказалось холодным. Странно: драгоценный металл, из-за него идут на преступления, а он, как покойник.

Августа не возвращалась. Видимо, позвонив в милицию, она пошла искать отца.

Ночь шла на убыль. Потускнела луна и сдвинулась к горизонту. Машина появилась почти бесшумно, вынырнув откуда-то из табачных зарослей. Она резко тормознула у дома. Три фигуры пересекли свет фар и вошли во двор. Они стали у крыльца, рассматривая темные окна.

— Сюда! — крикнул Петельников.

Трое мгновенно оказались у сарая. Высокий, худощавый парень в очках окинул всех быстрым взглядом и строго приказал:

— Ваши документы, гражданин.

Капитан вытащил удостоверение. Приехавший глянул в него, протянул руку и улыбнулся:

— Начальник отделения уголовного розыска Куликов.

Потом было то, что бывает на любом месте происшествия: следователь, понятые, протоколы... Только Петельников чувствовал себя необычно в роли свидетеля. Он сидел в большой и чистой комнате Августы и строчил свои показания. Поставив роспись после стандартной фразы «Записано собственноручно», он вдруг понял, что утомился так, как никогда не уставал на работе. Перевалив все на чужие плечи, он расслабился, и на него накатило какое-то безразличие. Тяжелая дрема легла на глаза...

Когда он их открыл, то увидел перед собой Куликова, который тихо спросил:

— Устал, капитан?

— Есть чуть-чуть. Кончили?

— Да. Этот Бочкуха у нас давно на примете. Жадный, дачников пускает и в сарай, и в прачечную... Спекулировать не прочь. А второй — его племянник. Приехал погостить.

— А золото откуда?

— Григорий Фомич перестраивал сарай, копал яму и нашел клад. Еще дореволюционный. Спрятал в ту же яму и пошел на радостях к Бочкухе: мол, куда сдавать, да как... Те его и схватили, на «Москвича» — и в дом над обрывом. Все-таки заставили сказать, где лежит золото. Дальше ты знаешь...

Дальше он знал.

Открылась дверь, впустив Августу и седоватого худого старика с белесой щетиной на лице.

— А это ваш спаситель, — сказал ему Куликов.

Старик засеменил к Петельникову:

— Спасибо, сынок! Я ведь про тебя давно знаю. От этих бандитов. Ты ночью приходил, они тебя и заприметили. Испугались. Вот племянничек и пошел охотиться на тебя. А бутылочку мою они прозевали. Я-то и не надеялся. Издевались, поганые, только что не били...

Вадим смутился, увидев слезы в голубовато-прозрачных, как у Августы, глазах. И окончательно покраснел, когда Григорий Фомич обнял его.

— Капитан, какая нужна помощь? — спросил Куликов.

За окном уже стоял яркий день. Жара сочилась сквозь стекла, как горячий сироп. Фиолетовое марево оплавляло горы.

Вадим потер лоб:

— Мне вот что нужно: выспаться и билеты на завтрашний самолет. К матери поеду.

— Тогда едем в гостиницу, — предложил Куликов.

— Какая гостиница!? — высоким голосом почти крикнул Григорий

Фомич. — Да моя хата лучше всякой гостиницы. Сначала отобедаем, а потом уж спать...

— Спать только в беседке, — согласился Петельников.

Начальник отделения пожал ему руку, пообещав заехать вечером и увезти его к себе в гости — только при этом условии будут авиабилеты.

Вадим осоловело уселся в кресло. На столе уютно жужжал вентилятор, ворочая лобастой головой в белом ореоле. Там же, на столе, встал электрический самовар и появились тарелки с «украинской» колбасой, помидорами, местным ноздреватым хлебом...

Августа замерла перед оперуполномоченным, держа в руке белое полотенце.

— А вот вы меня не поцеловали, — сонно поделился он.

Она подошла ближе, вплотную. Запах терпкого винограда, который зрел на их участке, наплыл вместе с ней.

Августа пригнулась, и ее губы прохладно легли на щеку капитана в том месте, где Григорий Фомич колол его щетиной.

С морем он так и не успел попрощаться.

Юрий Воложанин

ЧЕРТОВ

МОСТ

П О В Е С Т Ь

ТЫСЯЧА девятьсот тридцатый год. На улице искрилось солнцем лето, а в кабинете у меня стоял холодный полумрак. Единственное окно кабинета выходило в темный двор, куда солнце, как в глубокий колодец, попадало, только будучи в зените. Сейчас утро, и блики солнечных лучей играют на влажной от прошедшего дождя крыше противоположного крыла здания и на листьях единственного, бог весть как попавшего во двор, высокого, стройного тополя. Настроение у меня превосходное, соответственно погоде. Но тут я вспоминаю, что к десяти утра меня вызывает начальник милиции, и начинаю терзаться в догадках.

К десяти я поднялся на второй этаж и по длинному темному коридору направился к приемной. В приемной, кроме секретарши, сидела какая-то белокурая девушка в легкой кожаной куртке. Она, как только я появился на пороге, оглядела меня с ног до головы большими серыми глазами и, вероятно, не найдя во мне ничего интересного, отвернулась к окну. Я поздоровался и кивнул на дверь:

— У себя?

Секретарша загадочно улыбнулась, пожала плечами.

— Сейчас узнаю. — И бесшумно скрылась за дерматиновой дверью. Вернулась она сразу же.

— Вас приглашают обоих, — сказала она.

Начальник милиции Андрей Федорович Дюков, высокий статный мужчина, вышел из-за стола, как всегда, держа во рту трубку. С нами он поздоровался за руку и так мягко улыбнулся, что у меня отлегло от сердца. Девушку он назвал по-домашнему — Тася: видимо, они были хорошо знакомы. А ко мне сразу обратился с вопросом:

— Как дела, Федор Андреевич?

— В общем-то дела неплохи... — начал было я, но начальник положил мне руку на плечо и внимательно посмотрел в глаза.

— Вызвал я вас, дорогие мои, по очень серьезному делу. Задание, которое я вам собираюсь предложить, сложное и опасное.

Из накладного кармана гимнастерки он достал какое-то письмо и стал читать:

— «Товарищ начальник милиции, мы, жители далеких от вас сел Ушумун, Такша, Озерное, обращаемся к вам с просьбой оказать нам содействие в избавлении от банды Косого, которая совершает налеты на наши села, грабит общественные хозяйства, издевается над людьми и даже убивает. Так, в этом году бандиты зверски убили председателя сельского Совета Соболя. Мы бы сами выловили бандитов, но они хорошо вооружены, да и организовать нас на это дело некому. Нет у нас и оружия подходящего. Для ясности сообщаем, что бандитов более двух десятков человек — все из местного кулачья и недобитых семеновцев, да недавно появился какой-то с усиками и шрамом на щеке — настоящая сволочь. Еще раз просим вас, товарищ начальник милиции, помочь нам в этом деле».

Аккуратно сложив письмо и положив его снова в карман, Дюков заложил руки за спину, прошелся от стола к двери, остановился напротив нас и продолжал:

— Доносятся до нас слухи, что и впрямь в тех местах организовалась банда. В мае, когда мы разбирались по делу Соболя, ниточка повела к кулачью, но конкретно установить никого не удалось. Потом стали поступать тревожные сигналы о банде... И вот теперь это письмо... Медлить или чего-то дожидаться больше нельзя.

Он снова прошелся по кабинету, раскурил трубку.

— Теперь вы, наверное, догадываетесь, зачем я вас вызвал?

Я кивнул утвердительно, хотя еще ясно не представлял цели вызова. Дюков продолжал:

— Конечно, мы обязаны помочь людям избавиться от банды, и стоило бы туда послать отряд милиционеров, но по некоторым соображениям мы этого не сделаем.

Он хитровато прищурил черные глаза.

— Во-первых, открыто идти на бандитов совершенно бесполезно, ибо открытого боя они не примут; во-вторых, это займет много времени: узнав о нашем появлении, банда уйдет далеко в лес; в-третьих, время сейчас беспокойное, а милиционеров в обрез. Да и несподручно нам все это: села уж сильно далеко, а главное — бездорожье.

Дюков уселся за стол, подпер подбородок кулаком и молча, изучающе стал на нас смотреть. Мне сделалось неловко, и я заерзал на стуле.

— Прочитали мы это письмо с товарищами и решили попробовать другим путем уничтожить банду, — словно вслух размышляя, заговорил он. — Письмо нас натолкнуло на одну мысль: вы, наверное, уловили слова: «Просим оказать нам содействие»? Так вот, мы и окажем содействие. Для этого решили послать в те края вас...

«Кого это нас?» — подумал я и невольно оглянулся по сторонам: нет ли кого еще в кабинете. Начальник заметил мое недоумение и пояснил:

— Вас с Тасей. К вам еще подсядет в Присковой Огородников, он из Нерчинска. Поедете вы под видом геологов. Тася кое-что кумекает в этом деле. — Он немного помолчал, раскуривая трубку. — Придется вам выдавать себя за мужа и жену...

Я посмотрел на девушку, стараясь определить, какое впечатле-

ние произвели на нее эти слова, но она спокойно что-то записывала в блокнот.

— Да, я забыл вас познакомить, — спохватился Дюков. — А уже в супруги произвел... Это вот наш работник уголовного розыска Куратов Федор Андреевич, — кивнул он в мою сторону. — А это тоже наш работник, Воронова Тася, то есть Таисия Николаевна. Не встречались еще? Наверное, не успели, ведь Тася только с курсов.

Мы кивнули друг другу.

«Зачем ее-то посылать на бандитов?» — подумал я.

Начальник, как бы уловив мои мысли, сказал:

— Тася будет нам необходима. Во-первых, как я уже говорил, она кое-что смыслит в геологии; во-вторых, по «геологическим делам» она или, может быть, кто-то из вас сможет выезжать в Бушулей, а если понадобится, и дальше — чем обеспечите связь; в-третьих, она имеет кое-какие другие возможности там...

Этого третьего он не договорил, а я постеснялся спросить.

— Главная ваша задача — установить данные о банде, выследить ее, указать путь к их логову, помочь организовать отряд.

Короче говоря, главная ваша цель — это разведка. А там дело за Литвинцевым — у него есть отряд добровольцев-активистов в Пашенной. Оружие — десятка два винтовок и несколько гранат — повезет с собой под видом рабочего-геолога Огородников. Вот в основном и все. Детали вам разъяснит начальник уголовного розыска Каверзин, он же позаботится об экипировке. Какие ко мне будут вопросы?

Я пожал плечами и промолчал, а Тася спросила:

— Сколько времени на сборы, Андрей Федорович?

— Два дня, не больше. Хватит?

Тася кивнула.

— Много даже, — сказал я.

— Не спеши, успеешь, — улыбнулся начальник.

Мы встали.

«ПОЧЕМУ же все-таки направили на такое серьезное дело меня — в сущности неопытного еще работника? Хотя мне в этом году стукнет двадцать четыре, но все равно в сравнении с такими «спецами», как Жарков, Лукьянов или сам Каверзин, — я неопытный», — так думал я, направляясь в кабинет Каверзина. Банду выследить — не мелких ворюшек ловить или там искать девиц, сбежавших на Кавказ. Банда — это, брат, люди отпетые, готовые на любую пакость. Они вооружены, а значит, борьба с ними — вопрос жизни и смерти. Значит, человек, которому поручается это серьезное дело, должен быть опытным, вдумчивым, мужественным... А я? Могу ли я справиться с этим серьезным заданием? Впрочем, минутная неуверенность вдруг сменилась чувством гордости за себя, и уже в коридоре первого этажа предвещающая борьба представлялась мне делом будничным. Мне нестерпимо захотелось поехать туда немедленно. Зачем ждать два дня? Какие, черт побери, у меня могут быть сборы! Нищему, как говорится, собраться — только подпоясаться. Так и мне. Что я, на курорт еду?

Но Каверзин — человек умный и гибкий — сразу же развеял мою храбрость и досаду.

— Не горячись, братец, твой конь еще не заседлан, твоя сабля еще не наточена, твоя мама не вышла тебя провожать, — начал он с прибаутки. — Но так как коня у тебя нет, да он и не нужен, сабля —

тоже не нужна, мамы нет, значит, мешок за плечо — и аля-улю! — Лицо Каверзина вдруг сделалось серьезным. — Ты, Федя, идешь на бой, на самую что ни на есть передовую, поэтому подготовка нужна. Без подготовки и стакана чаю не выпьешь.

Он подошел, внимательно, оценивающе осмотрел меня со всех сторон.

— Из вещей нужно брать все легкое, походное. — И, ощупав мой оттопыренный карман пиджака, порекомендовал: — Наган надо заменить на револьвер, ну хотя бы на «кольт» или «смит». — Потом усадил меня против себя, словно маленького, и продолжал: — Обмундировку приобрести вам полагается, получить инструктаж, советы и, в конце концов, морально подготовить себя. А ты собрался без остановки бежать до самого логова. Надо не забывать, дорогой мой, что вас трое, а бандитов больше во много раз, ориентируются они там лучше вашего...

— Ну, это мы еще посмотрим, — самоуверенно перебил я Каверзина.

— Ах да, ты родом оттуда, я и забыл! Самоуверенность, Федя, пока оставь при себе, она тебе пригодится где-нибудь в другом месте.

Мне стало стыдно за свои слова, и я, промывав что-то невнятное, стал внимательно слушать Каверзина. А он терпеливо, умело и монотонно напутствовал меня, учил отдельным приемам, где и как себя вести, на кого опираться. Сейчас многие его слова казались мне лишними, но потом, когда я окажусь в сложной ситуации, как мне будет не хватать этого умного человека и как мне будут нужны его советы!

И все-таки собрались мы за день, а утром следующего дня выехали. Поезд медленно, но уверенно двигался на восток. Вагон, в котором мы ехали, отчаянно стучал на стыках рельсов и поскрипывал буксами. Справа извилистой лентой тянулась Ингода, кое-где река круто сворачивала и убегала к дальним сопкам, потом возвращалась и текла рядом с железнодорожной насыпью; слева то появлялись голые сопки или круто нависали серые скалы, то открывались широкие долины.

Поезд подолгу стоял на каждом полустанке. В купе мы ехали втроем: я, Тася и тихая старушка, четвертое место мы выкупили для «рабочего-геолога», то есть для Огородникова Ивана Ивановича, который должен был подсесть на станции Приисковая. Мы с Тасей сразу же, как только сели в вагон, перешли на «ты», вошли в роль супругов, хотя в данный момент этого особо и не требовалось. Много времени мы проводили за чтением прихваченных с собою книг и часто стояли в тамбуре у окна, разговаривали или молча мечтали всяк о своем. Я заметил, что Тася почему-то избегает говорить о себе, о своей прошлой жизни. Я только узнал, что она училась на геолога, окончила три курса института, бросила учебу неизвестно по какой причине и вот теперь работает в уголовном розыске. Порою я сомневался, что она, женщина, может справиться с таким серьезным заданием, но потом убеждал себя в том, что, раз посылают ее опытные люди, — значит так и надо. Тася же была спокойна, рассудительна, не замечала моих сомнений. Признаюсь, я даже хотел предложить ей отказаться от поездки, но каждый раз, как только намеревался начать об этом разговор, я встречался с ее умным, пронзительным взглядом и немедленно отказывался от своих намерений. Понемногу я стал проникаться уважением к ней.

— Ты, Федор, кажется, жил в тех краях? — спросила она меня.

— Да, до четырнадцати лет жил в Бушулее, а потом, когда умерла мать, жил в Шилке, в детдоме.

— Значит, в твои родные места едем, — грустно проговорила она.

— Да, надо считать, что родные.

На душе у меня было тревожно не столько от того, что еду на серьезное задание, сколько от того, что предстоит встреча с моим детством. Правда, детство я помню отдельными отрывками: знаменательными для меня эпизодами, которые воздействовали на мое воображение и прочно засели в сознании. А в основном же детство мое было серым, полуголодным. Отца своего я почти не помню. Ушел он на войну в пятнадцатом и погиб где-то на ее полях. Мать, женщина от природы слабая и больная, через силу растила нас с сестренкой, но так и не смогла как следует поставить нас на ноги — умерла, когда сестренке было двенадцать, а мне четырнадцать. Но все равно среди нужды и недостатков в детстве нашем было немало радостных и счастливых минут. В моей памяти, например, хорошо сохранились те несколько дней, когда в нашем доме от семеновцев скрывался партизан дядя Андрей. Он невесть откуда достал несколько цветных карандашей и учил меня рисовать. А как хорошо он сам рисовал! Его рисунок всадника с саблей в одной руке, красным знаменем в другой я и теперь храню как самую дорогую реликвию. С подаренными карандашами я долго не расставался и, даже ложась спать, клал их в изголовье. Эх, как интересно и хорошо он говорил о будущей жизни! Помню, сядет возле меня, погладит по голове и скажет:

— Счастливая жизнь у тебя, Федор, да и у всех вас, ребят, будет! Живи — и радуйся!

И глубоко вздохнет.

Исчез дядя Андрей так же внезапно, как и появился. И кажется мне, что человек этот появился во сне...

На станции Приискская я выскочил на перрон и сразу же увидел нашего «геолога». Я узнал его по курчавой черной шевелюре, коренастой фигуре и лицу, скуластому и крупному — так обрисовал его Каверзин. Огородникову, видимо, тоже дали описание моей внешности: увидев меня, он заулыбался широко и простодушно. Мы поздоровались непринужденно, словно были давно знакомы. Около Огородникова лежал зеленый продолговатый ящик с четко выведенными словами: «Геологические инструменты и приборы. Осторожно!»

— Тяжелые? — спросил я.

— Есть немного.

Мы втащили ящик в вагон и поставили в купе, загородив проход.

Проводника, пожилого, сварливого мужчины, в тот момент не было, но, появившись, он сразу же приказал убрать эту «гробину» с прохода. К сожалению, ящик не помещался ни под сиденьем, ни на полке. Тогда проводник потребовал, чтобы Огородников вышел из вагона вместе с ящиком: не положено провозить такие ящики, и все! Дело начало принимать серьезный оборот, и мне пришлось переступить запретную черту: раскрыться. Я с большим трудом отозвал проводника в служебное купе, показал ему удостоверение.

Этот маленький инцидент заставил меня задуматься о будущих наших действиях. Ведь такое, казалось, плевое дело, а не предусмотрели. И вот тебе на: первая вынужденная расшифровка. Теперь я отчетливо вспомнил слова Каверзина: «Продумывай до мелочей свои дей-

ствия и поведение. Не поддавайся лекомыслию, не делай ничего на авось». Тогда в кабинете начальника уголовного розыска я отнесся к этим словам как мальчик, которого мама, отпуская гулять, напутствовала: «Не лезь, сынок, в грязь и лужи — заболеешь», — а сынок вспоминает мамины слова только тогда, когда заболевает. Так и у меня получилось.

Огородников оказался неразговорчивым, на первый взгляд даже необщительным парнем. Когда я обсказал ему вкратце наше задание, он мне ответил одним словом: «Знаю».

— В Бушулее нам делать нечего, — говорил я, — надо идти в район Такши-Ушумуна, ибо есть все основания предполагать, что банда обосновалась где-то там.

— Эту беду тоже туда потащим? — спросил Огородников, имея в виду ящик с оружием.

— Посмотрим.

— Мне думается: не лучше ли нам создать отряд в Бушулее и двинуться туда сразу?

— Этого делать нельзя. Мы ничего не знаем о бандитах, не знаем, сколько их, как вооружены, и, наконец, не знаем, где они обосновались. Надо все это выяснить и хорошенько подготовиться к схватке. Ты пойми, Иван Иванович, наша задача — разведка и на первых порах больше ничего. А дальше — видно будет.

Мне показалось, что его несколько обескуражили мои слова. Он пожал плечами, что-то промывчал себе под нос и уставился в окно.

Колеса размеренно постукивали о стыки рельсов. Мимо проплывали знакомые места. Река Шилка осталась в стороне, она ушла вправо, на Сретенск. Теперь до Пашенной нашим неизменным спутником будет извилистая, каменистая Куэнга, своеобразная речушка, с густой ивово-черемуховой поймой.

— Не расстраивайся, брат Огородников, — заговорил я, — без разведки нельзя, разведка — это глаза и уши любой войны.

— Я не расстраиваюсь. Раз нужна разведка — значит будем ею заниматься. Но все-таки... — Он начертил на оконном стекле крест и добавил: — ...Все-таки надо бы повоевать как следует.

Я видел, как заиграли желваки на его скулах. «Да-а, парень-то боевой, — подумал я. — Этот в любой момент бросится в драку. Надо будет его придерживать... Зачем такого горячего брать туда?» Мелькнула мысль оставить его в Пашенной — помогать Литвинцеву организовывать отряд. Это было бы правильным решением: здесь, в Пашенной, он будет гораздо полезнее в настоящее время, чем там.

— Не лучше ли тебе, Иваныч, остаться пока в Пашенной? — И, не дожидаясь ответа, я добавил: — С Литвинцевым организуете отряд, подготовитесь хорошенько и будете ждать нашего сигнала. Оружие останется при тебе — вот и не надо будет его тащить туда. Всем, да еще с оружием, там делать пока нечего.

Он посмотрел на меня, взвешивая услышанное, в глазах промелькнули азартные огоньки. Я понял: он рад остаться.

— Хорошо, я останусь. А она зачем? — кивнул он в сторону купе, имея в виду Тасю.

— Воронова нам понадобится, здорово понадобится, — подражая Дюкову, сказал я. — Во-первых, для конспирации: мы же «геологи», а она училась на геолога, во-вторых, вдвоем нам легче установить с вами связь, в-третьих, она имеет кое-какие другие возможности...

Только тут я вспомнил, что не спросил об этих возможностях ни

Дюкова, ни Каверзина, но Огородников, видимо, был удовлетворен моим ответом. Он теперь думал только об отряде. Немного погодя, как бы очнувшись от своих мыслей, он сказал:

— А она какая-то необщительная: читает и молчит...

«Надо ей подсказать, чтобы вела себя более общительно — ведь она моя «жена», — подумал я и тихо сказал: — Такой уж у нее характер.

Огородников вышел со своим грузом в Пашенной. Мы еще раз условились о встрече, обдумали, чем он будет заниматься в Пашенной и Бушудее. По нашему плану он должен помочь Литвинцеву создать отряд, а затем уехать в Бушулей и попытаться организовать активистов. Самостоятельно, без нашего ведома, он ни в коем случае не должен двигаться дальше.

— И долго мне придется здесь загорать? — нетерпеливо спросил он.

— Сколько понадобится, — сухо ответил я, рассердившись на его нетерпеливость.

Но расстались мы хорошо и даже по-братски обнялись.

— Не горячись, Иван, — попросил я его. — Всему свое время. Жди, я дам сигнал, а ждать долго не придется, постараемся как можно быстрее их выследить.

Тася подала ему руку и с легкой улыбкой сказала:

— Не волнуйтесь, скоро встретимся...

И опять поезд, постукивая колесами, повез нас на восток. С моим внезапным решением оставить Огородникова менялся наш план и поездка в Такшу: теперь в Бушудее нам делать было нечего, в Такшу сейчас мы могли попасть только с другой стороны — через Ушумун, предварительно доехав на поезде до Усть-Ундурги. На этот счет я посоветовался с Тасей. Она согласилась, однако выговорила:

— На задание, Федя, нас послали на равных, и мне кажется, тебе не следует одному принимать какие-либо решения, любой план надо обсуждать вместе. Вот с Огородниковым ты поспешил: его надо было оставить в Бушудее или даже в Зилово — все же ближе к тем местам, где мы будем.

Я, конечно, сразу же осознал свою ошибку — ведь Тася была права.

— Ладно уж, живы будем — сочтемся, — шутиливо ответил я. — А ты, Тася, будь пообщительней и не забывай, что жена мне.

Усть-Ундурга нас встретила ясным прозрачным утром. Над бурной, клокочущей среди камней речкой поднималась легкая дымка, где-то в дальнем углу этого маленького селения неистово лаяла собака, то тут, то там поскрипывали калитки, глухо мычали коровы. Воздух был свеж и чист, как родниковая вода. После утомительного пути мы стояли на полянке, поросшей молодой травой, и не могли нарадоваться на эту тишину и утреннюю свежесть. Солнце появилось как-то внезапно из-за высоких лесистых гор и золотом залило узкую долину, заиграло веселыми бликами на каменистых речных перекатах. Ко мне подкрались вдруг воспоминания о детстве. С семи лет мать приучила меня вставать рано, прогонять корову на пастбище, поэтому я волей-неволей часто любовался ранним утром. Я на мгновение забыл обо всем и даже взрогнул, когда услышал голос моей спутницы:

— Куда теперь пойдем?

Я посмотрел на Тасю. В ее серых глазах искрились маленькие лучики, на губах застыла легкая улыбка. Сердце мое трепетно сжалось; как прекрасно это сочетание: утро, солнце и красивая девушка!

Видимо, я долго задержал на девушке взгляд, она с чуть уловимым смущением повторила:

— Куда пойдем?

— Нам надо туда, — указал я в сторону откоса, откуда вывернулась бурливая Ундурга. — Придется идти пешком, а там, глядишь, кто-нибудь подвезет. Здесь лесосплав и хорошая дорога. На Ушумун часто ездят.

Мы шли по песчаной дороге вдоль берега Ундурги. Дорога то поднималась на высокий откос, то спускалась к самой реке. Вскоре нас нагнала подвода, запряженная двумя лозовыми лошадьми. На подводе сидел маленький, сухонький старичок с бородой-клинышком и глазами-пуговками.

— Доедем, деда? — остановил я его.

— Садитесь, вместе веселее.

Мы уложили рюкзаки и сели. Дед раскурил длинную самодельную трубку и тронул вожжами.

— Куда путь держите? На Ушумун? — спросил он.

— Дальше. К Такше.

Дед повернулся и внимательно посмотрел на нас.

— А вы туда зачем?

— Геологи мы.

Он почмокал губами и стегнул лошадей.

— Ну!.. вашу за ногу, плететесь, как старые клячи!

Подводу слегка дернуло, лошади пробежали немного рысцой и вскоре снова пошли, как и прежде, размеренно, не спеша.

— Золото искать аль бирлиант?

— Там будет видно, что уж найдем.

Дед немного призадумался, потом заговорил:

— Я в этих местах давно живу. Году в четырнадцатом забрел в Ушумун какой-то мужик, не то приискатель, не то геолог, как вы вот, не то ишо черт его знает, кто он такой. Так вот, этот мужик показал в лавке Марьясова каки-то камешки, с наперсток рассыпного золота и самородок с ноготь. Мужиков заело: где это он все достал? Чужой по своей доброте рассказал, что намыл по Ундурге, а камни энти отыскал в россыпях, где-то в пади супротив Елкинды. Наши мужички потом несколько раз снаряжались в те места, но без удачи, — можа, не могли найти те места, а можа, мужик этот сбредал. Особливо настырно искал золото дед Чернышов.

— И находил что-нибудь? — спросил я.

Дед почмокал губами, потер занемевшие ноги.

— Говорят, находил малость золотишка, а вот бирлианты — не знаю. Бедолага, — вздохнул он, — так в той пади и сгинул, ушел как-то искать эти самые бирлианты и по сей день его нет. Падь-то ту так и прозвали — Бирлиантовая...

Дорога круто пошла вверх на откос. Мы соскочили с повозки и пошли сзади, но дед остался сидеть, усиленно понукая лошадей. С откоса на несколько верст была видна долина, по которой, извиваясь змеей, текла серебристая Ундурга. Кое-где на перекатах были видны заторы: лесосплав в разгаре. Дед ждал нас на вершине.

— Во-он видите плес в реке? — показал он куда-то вдаль. — Так в этом плесе потом нашли того мужика, что показывал у Марьясова золотишко-то. Следствие наводили — утоп, говорят.

Он достал кисет, набил трубку, раскурил. Дым сизой пеленой окутал его морщинистую коричневую шею и растаял на тощих острых

плечах. Дед смачно почмокал (я заметил, что он каждый раз чмокает, прежде чем заговорить).

— Так вот потом, говорят, алмазы и золотишко это сдали в Кыре Беляйкины дружки. Беляйко-то бандит был тут у нас, — уточнил он. — Грабили они тут на дорогах, сколько людей уложили. А караулили у Чертова моста, что на Царском тракте, — это промеж Ушумуна и Такши есть такой мост — подходящее, видно, место для них было. Более всего они грабили золотарей, охотников и разных купчишек, которые ездили на Кару.

Дед, конечно, приукрашивал дела какой-то там банды, но мы слушали его внимательно и с интересом.

— А вы-то, деда, видели этих бандитов? — спросила Тася.

Он обернулся к ней и хитро прищурился.

— Я-то? А как же, видел. — После минутного раздумья он почмокал губами. — В пятнадцатом гнал я в Ушумуне деготь и возил его на Кару продавать. Однажды везу на телеге бочку и вдруг слышу сзади топот. Хотел свернуть в лес, да не успел; бандюги, как воронье, с повязками до самых глаз, налетели на меня. Обыскали, перевернули бочку и разлили деготь. Но что у бедного человека найдешь? Потом подлетают еще три всадника, один на вороном коне погарцевал около меня, смерил с ног до головы дьявольским взглядом и... напустился на своих: «Вы что же, черти, ощупываете босыя?! Что вам, делать больше нечего? Нашли, кого трести!»

Я осмелел и говорю: «Беляйко, милый, будь ласков, заставь этих головорезов отплатить за мои труды, за разлитый деготь». Он зыркнул на меня глазами, подставил кулак под нос и говорит: «Нет у тут никаких Беляек, понял?!»

Я испугался, затрясся, как в лихорадке. А он достал кошелек и, не глядя, сунул мне червонец. А потом пригрозил: «Если где донесется, что язык распустил — сварю тебя в твоём же дегте!» И ускакали. Больше я не встречался с бандитами. Слышал, что потом их переловили где-то под Оловянной.

С полверсты дед молчал, о чем-то сосредоточенно думая. Кони шли размеренно, пофыркивая и похлестывая хвостами. На ухабине телегу тряхнуло, и дед встрепенулся, пустил пару соленых слов в адрес «кляч», обернулся к нам и сказал:

— Вот у Беляйки был конь так конь! Вихрь, а не конь! Хотя и звали его смирным именем Туман. А вихрь был конь, красавец! Не то что эта вот срамота. Тьфу, проклятые! — с горечью сплюнул дед. — Потом, слышь, паря, — продолжал он, — Туман-то этот попал к красным, и сам командир полка Погодаев на нем гарцевал. Сказывают, будто ворвался он на Тумане в кучу беляков, порубал многих, но пуля все-такихватила командира, так конь уже мертвого его вытащил на другой берег к своим. Вот это конь! А эти... тьфу, черт! Японский бог!

И дед безразлично махнул рукой.

Дорога начала спускаться с хребта, и вскоре мы оказались на окраине леса. Перед нами открылась широкая долина, разрезанная извилистой поймой небольшой речушки. То тут, то там виднелись небольшие озерки на старице, а прямо на пологом возвышенности раскинулось небольшое село Ушумун. Отсюда до Такши оставалось несколько верст. Вон и дорога на Такшу, извиваясь черной змейкой, поползла в сопку. А там дальше, в нескольких верстах отсюда, Чертов мост, и конечно же, мы никак его не минуем.

— Нас-то бандиты не схватят? — шутиливо спросил я.

— Вас-то? Кто его знает, ежели с золотишком поедете, так могут и тряхнуть, — серьезно ответил дед.

— Ну-у, так уж и тряхнут!..

— Ты не скайся! — вдруг рассердился дед. — Вы не у бога за пазухой, возьмут и ощупают, как куропаток! Японский бог!

Мы немного помолчали. Мне стало неловко, что я обидел старика. И Тася строго на меня посмотрела. Пришлось идти на попятный.

— Не сердись, деда, — сказал я, — не хотел я тебя обидеть.

— Не сердись... чего мне на тебя сердиться, — заворчал дед, — ты лучше слушай да на ус мотай, что старшие говорят.

Он раскурил трубку, почмокал губами.

— Грабителей на дорогах тут нет, но где-то в тех краях (он указал вдаль, на синие сопки) завелась шайка из кулаков и недобитых беляков. Косой какой-то руководит... Так эта банда на коммунии нападает да сельсоветчиков убивает. Одиноких не грабит.

— Где же они засели? — перебил я.

Дед внимательно посмотрел на меня.

— А ты что, геппеушник?

«Черт побери, даже по разговору узнают», — с досадой подумал я и, стараясь сохранить равнодушие, сказал:

— Нам в тех краях геологоразведку проводить надо.

— А-а-а, — понимающе протянул дед. — Ищите... — притворно закашлялся. — Где-то в устье Елкинды они вроде таборуются...

Мы въехали в Ушумун. У дороги, отворачивающей вправо, мы с Тасей засобирались сходить, но дед пригласил нас почаевать. Время было около полудня, и хотя мы спешили, но пообедать не отказались.

В маленьком, уютном и чистеньком домике нас встретила худенькая старушка, чем-то похожая на деда. Она проворно накрыла на стол, усадила нас, но сама не села, а стала копошиться у печи с хлебами.

Дед налил себе большую фарфоровую кружку и, отливая понемногу в неглубокое блюдце, стал, пошвыркивая, пить чай. Пил молча, с усердием. Потом, как бы спохватившись, оглянулся на старуху, сказал:

— А ты что там возишься, Акулина? Садись заодно чаевничать.

— Да вы уж там одни потчуйтесь, — грудным голосом ответила та, — я совсем недавно, перед вами, чаевала.

— Ну, как знаешь...

На столе дымились картошка «в мундирах», пышно вздымался каравай горячего деревенского хлеба, были наставлены варенья из брусники, голубицы, моховки, в берестяном туюске желтело домашнее масло. Такой вкусной и свежей еды я давно не видал! А какое было у бабки молоко: холодное и густое, что те сливки — не сродни нашему городскому! Ели мы с огромным аппетитом и удовольствием.

После обеда мы отблагодарили стариков и отправились в путь пешком. Дед вышел нас провожать.

— Забегайте, если будете здесь, — сказал он. — Дед Евлампий всегда рад принять хороших людей.

Подходя к речке, мы слышали знакомый скрип подводы: нас догонял дед Евлампий.

— Посмотрел я на вас, и жалко стало: далече идти, а вы люди городские, дай, думаю, подвезу вас до Чертова моста, японский бог!

Я вспомнил, что дед вспоминает японского бога в тех случаях, когда злится или волнуется.

Мы выехали на пригорочек, и дед визгливо затянул какую-то песню. Сначала она показалась мне незнакомой, но, когда прислушался, то понял, что пел он про Ланцова, который задумал убежать с каторги, однако мотив дед искажил до неузнаваемости. Под скрип колес и нудное дедово пенье я задремал и очнулся, когда дед с жаром говорил Тасе:

— Во-он видишь под сопочкой белые пятна? Это солонцы...

И впрямь, под сопкой земля была покрыта выступающей солью, а рядом ямки с нагромождением из веток.

— Это сидьбы, — объяснял дед, — здесь сидят и караулят зверя.

— Какого зверя? — спросила Тася.

— Ну, сохатого, изюбра, бывает, что и медведь притащится.

— И часто они сюда ходят?

Дед почмокал губами.

— Часто. Как-то я завалил тут здорового пантача, а нынче не ходил — рано еще. А панты, дочка, на вес золота принимают. Правда, я не пантую — забота одна. По мне сподручнее дегтарным делом заниматься да мало-мальски известку добывать...

— Интересный вы, дед, — задумчиво сказала девушка, — не скучно вам тут?

Дед на минуту призадумался, затем встрепенулся.

— А чего скучать? Вольно тут, благодать!

Мы спустились в узкую ложбинку, рассеченную пополам оврагом, на дне которого стрекотал ручей. Дорога под углом пересекала ложбину и на взгорье уходила в лес.

— Вот и Чертов мост, о котором я давеча говорил...

Мост как мост. Обыкновенный бревенчатый, грохочущий под колесами настил. Правда, находится в ямке и рядом с лесом — сразу не увидишь. И овраг под ним глубокий, а по бокам кустарник.

Еще там, по дороге к Ушумуну, когда дед Евлампий рассказал нам о грабежах у этого моста, у меня почему-то создалось впечатление, что мост тот особенный, большой, с темными нишами, откуда непременно должны сверкать злые прищуренные глаза разбойников, а рядом — валяться груды костей и черепов. Конечно, так я думал не всерьез, но все равно питал надежду, что увижу здесь что-то особенное, ну, наконец, какое-то подтверждение, что тут раньше орудовали бандиты.

Ничего подобного я не увидел. Вокруг стояла таежная тишина, шумел нетронутый лес, зеленели травы, желтые маки медленно качали головками на легком ветру, а в овраге тихо журчал серебряный ручеек. И не будь дороги и моста — казалось бы, что человеческая нога тут и не ступала. А мост — обыкновенный бревенчатый настил...

— Вон в том лесу нашли телегу утанских охотников, а трупы немного дальше — там вон, внизу, в чепурыжнике; а чуть поодаль — какого-то мертвого мужика, золотаря вроде. Однакошь делов тут было... — развеял мои мысли дед.

Мы попили чистой ледяной воды из ручейка и собрались было идти дальше пешком, но дед запротестовал и довез нас до Такши.

ЯСНОЕ солнце спозаранку заглянуло в нашу крохотную комнатку. Тася спала на кровати, подложив под щеку ладони. Золотистые локоны

беспорядочно разметались по подушке; во сне она чему-то улыбалась и прищмокивала губами словно ребенок. Я отвернулся, потому что не смел так долго и внимательно смотреть на нее, не имел права. Хотя нас «поженил» Дюков и послал вместе на задание, а разговаривали мы с ней мало и почти ничего не знали друг о друге. Тася — замкнутая, мечтательница и книголюбка; вот она и вчера заснула с книгой. Есть в ней что-то таинственное, недоступное мне. А может быть, просто кажется? Говорит она коротко, порою замысловато, но не кичится своей образованностью передо мною. И еще: она никогда не смеется открыто, а одними губами и чуть-чуть глазами. Взгляд ее серых глаз внимательный, проницательный, как бы изучающий: я всегда оцениваю такой взгляд одним словом — умный. Может быть, от того она неразговорчива, что я сам не вступаю с нею в разговоры? Я немного стесняюсь говорить с ней — боюсь показать свою неграмотность, ляпнуть что-нибудь несуразное. Вчера же вечером я повел себя вообще как мальчишка: взял пальто и хотел идти спать на сеновал, но Тася удержала меня.

— Оставайся, — твердо сказала она.

— Для чего этот маскарад? — возразил было я.

— Так надо.

«Видимо, действительно так надо, раз мне говорил об этом Дюков, и вот теперь она напомнила», — с досадой подумал я и лег на пол рядом с кроватью.

Проснулся я от того, что за дверью были слышны неторопливые шаги, стук посуды и потрескивание углей в самоваре. Хозяйка уже давно встала и хлопотала по дому. Надо сказать, что с хозяевами нам повезло: дед Евлампий определил нас к своим знакомым Зайцевым — гостеприимным, опрятным старикам. Я встал, вышел из дома и пошел к речушке умываться. Село давно проснулось и теперь дымилось белеными трубами, скрипело калитками, хлопало дверями амбаров и домов, постукивало колесами телег. Женщины, прогнав коров на пастбище, возвращались обратно, о чем-то шумно разговаривая, порою слышался звонкий, задорный смех. Мужчины занимались всяк своим делом: кто шел в кузницу, кто собирался в поле, кто уже сидел на срубе строящегося дома. Село начинало новый день, и ни в чем не чувствовалось, что где-то совсем недалеко свила свое гнездо банда. «По-видимому, бандиты не тревожат это село», — подумалось мне. А за чаем дед Мироныч (так звали нашего хозяина) вдруг заговорил:

— Вам, молодцы, надо быть поосторожнее — тут орудует банда. Нас, правда, не трогают, а вот скотину иногда «реквизируют».

— Нас не за что трогать, мы геологи, — сказал я.

— Вас, может, и не за что, да кто их знает, с активистов и сельсоветчиков могут и на вашего брата-геолога рыскнуть.

— В селе-то они бывают? — спросил я.

Дед допил чай, вытерся полотенцем, с ответом медлил.

— Бывают. Ночью иногда слышу цокот копыт да чужой говор, а что они тут делают — не знаю.

После завтрака мы с Тасей засобирались на «работу», взяли кайло, лопату, молотки, маленький деревянный лоток и вышли за ограду. Проводив нас до калитки, дед напутствовал:

— Будьте поосторожнее, далеко в лес не ходите, а то, неровен час, нарветесь на бандитов... тогда пиши пропало, ведь они, как известно, словно волки прячут свое логово и, не дай бог, если кто случаем попадется...

— Постараемся, деда, не попадаться им на глаза, мы тут по поймам речушек будем работать, а в тайге нам пока делать нечего, — сказала Тася.

— А вы скажите, Степан Мироныч, где, на ваш взгляд, более безопасно будет? — спросил я.

Дед ответил не сразу. Он откашлялся, почесал затылок, пожал плечами.

— Кто их знает, где они гнездятся, они ведь не дураки, чтобы протапывать напрямую тропу от логова; прежде чем появиться в селе, они такие петли наведывают, что любая собака запутается.

В этот первый день мы решили обследовать окрестности Такши, ознакомиться с местностью, и, конечно, не теряли надежды встретиться с бандитами. Наш расчет в этом отношении был прост: углубляясь охотничьими тропами в тайгу, мы могли натолкнуться на бандитский пикет, а может быть, и на само логово. Конечно, такая встреча не предвещала ничего хорошего: нас могли схватить, подвергнуть проверке и в конце концов расстрелять. Но другой возможности выйти на след бандитов пока не предвиделось. Был еще один вариант — выяснить, с кем из жителей села они связаны, ибо, несомненно, они должны были с кем-то из них поддерживать связь. Но как отыскать ее, эту ниточку?

Дед Мироныч натолкнул нас на дельную мысль:

— Вы в сельсовет обратитесь, чтобы какую охрану организовали — все-таки государственное дело робите. Вон Ефим Чернов — он партийный, Петро Забелин — эти не откажут в помощи. Правда, председатель-то у нас приболел, в райцентре в больнице уже долгонько лежит, но там, в сельсовете, секретарь Анна Терентьевна — боевая женщина, она окажет содействие...

Охрана, конечно, нам никакая не нужна, но вот поговорить в сельсовете о банде надо обязательно, и к Чернову сходить не помешает...

Однако день этот мы все-таки провели в окрестностях Такши, прошли с десяток километров по Талакуну, углублялись в Чичан, но никаких признаков нахождения в этих местах людей не обнаружили. Тропы охотничьи заросли, несколько зимовьев, которые нам удалось отыскать, пустовали, сидьбы на солонцах завалились, не было теплых кострищ. Не ходят охотники в лес — бандитов, видать, боятся.

Вечером Тася пошла домой к секретарю сельсовета, а я к Чернову. У крыльца новосрубленного добротного дома меня встретил высокий, широкоплечий мужчина лет тридцати пяти; мужественное лицо его, обрамленное густой, черной бородой, было приветливо, а карие глаза смотрели с хитровато-веселым прищуром.

— Здравствуй, здравствуй, браток, — ответил он мне на мое приветствие, словно мы с ним были давно знакомы. — Проходи, не стесняйся, мы люди не гордые — простые.

Провел он меня в чистую горницу, усадил за стол. Зачем пришел — не интересовался.

— Елена уехала в райцентр за покупками, я один управляюсь. Ты, браток, посиди немного, а я на камбуз за самоваром.

«Флотский, видать, парень», — подумал я. А оглядевшись, увидел на стене чуть пожелтевшие большие фотографии хозяина в морской форме и миловидной, большеглазой женщины.

Через несколько минут Чернов появился с небольшим дымящим самоваром, водрузил его на стол.

— Давай, браток, чай будем пить.

Я налил чашку, отпил немного и сказал:

— Я к вам, Ефим, пришел по делу.

— Ну что ж, коль по делу, так можно и о деле потолковать.

В человеке этом чувствовалась простота, мужская честность и доброта.

— Я из уголовного розыска, и приехали мы с нашей же сотрудницей, чтобы выследить, где находится банда...

Чернов помолчал, причесал пятерней курчавые волосы, побарабанил пальцами по столу.

— Да-а, слышал я, браток, про них... Пакостить начинают здорово, налеты ночные устраивают. Давно бы за них пора взяться... Думал, с мужиками покараулить на окраине села, но побаиваются мужики: не равны силы, да и оружия доброго нет.

— Оружие у нас есть и отряд тоже — остается найти бандитов.

— Да-а,— протянул Чернов, — задача не легкая...

Он оставил в сторону пустую чашку, достал старинную табакерку, свернул сигарку и предложил мне.

— Не куришь? Это, брат, хорошо, — не кури, ни к чему темнить легкие. Я вот на морях с братвой присосался и сейчас никак не себе-рუსь бросить.

Он сделал несколько глубоких затяжек, выпуская сизый дым кольцами, прищурил один глаз и продолжал:

— Есть у меня, браток, по твоему делу предложение... Тут на устье Елкинды живет один мужик — Митрофан Лапушенко, — так вот он, мне кажется, якшается с бандюгами. Не могу, конечно, сказать, в каких он с ними отношениях, но у нас в деревне человеку, что шилу в мешке, трудно утаиться, — видели его как-то с двумя неизвестными людьми. Мне думается, потрясти надо этого мужика и дознаться, где таборует шайка.

Эта информация внушала кое-какие надежды, но как подойти к Лапушенко? Что он за человек? Не состоит ли в банде?

— Предложение дельное, — сказал я. — Надо посоветоваться с Вороновой и заняться этим человеком.

— На мою помощь можете рассчитывать в любую минуту, — с ноткой торжественности сказал Чернов.

— Спасибо. А что собой представляет Лапушенко?

Чернов пожал плечами.

— Шут его знает, что за человек... Особо я им никогда не интересовался. Мужик, как мужик, охотится, рыбачит и, по-моему, золотишко промышляет. Живет один, бобылем.

— Какого возраста?

— Лет сорока.

— В деревне с кем держит связь?

— Из мужиков ни с кем. Поздоровается, покурит, порою с кем-нибудь поговорит о том, о сем — и все. А из женщин похаживает к Мотьке Звягиной — пьянчужке тут одной.

— Не слышно, к кому в селе бандиты приезжают?

— Не слышать.

Расстались с Черновым мы поздно вечером. Тася была дома, сидела на кровати и читала книгу. При моем появлении она отложила книгу, внимательно посмотрела на меня и спросила:

— Ну что у тебя?

— Немного есть, — весело ответил я.

Ее глаза блеснули добрым огоньком, губы улыбнулись.

— Выкладывай, потом я, — предложила Тася. — Кто последний приходит, тот первый должен рассказывать.

Я рассказал о нашем разговоре с Черновым.

— А мне теперь и выкладывать нечего: я принесла то же самое, что и ты. В маленьком селе стоит поговорить с одним человеком и все узнаешь. Анна Терентьевна мне поведала то же самое, что тебе Чернов.

В кухне послышалось покашливание деда Мируныча — он, видимо, вышел к печке покурить.

Тася перешла на шепот.

— Знаешь, Федор, терять времени нам сейчас никак нельзя. Придется тебе посидеть у дома Звягиной и понаблюдать: может, кто заявится, ведь не зря же говорят, что Лапушенко появлялся у нее с какими-то двумя типами.

— Что ж, не возражаю.

— А завтра с утра отправимся в зимовье к Лапушенко.

— Ладно, мне ночи хватит на раздумья, а для тебя, как говорят, утро вечера мудренее. Пошел я. А старикам что скажем?

— Скажу, что ты пошел гостить к Чернову.

Ночь у дома Звягиной мне показалась длинной, благо, дом стоял на отшибе и деревенские собаки не надоедали мне своим лаем. А вот комары... те не давали никакого покоя. Кусали в руки, и ноги, умудрялись даже прокусывать рубаху. Так что дремать в эту ночь не пришлось, но ни к Мотьке, ни в село никто ни приезжал и не приходил.

На следующий день утром мы с Черновым отправились на Елкинду в зимовье Лапушенко, а Тася — к Мотьке Звягиной.

— Зачем сейчас беспокоить Звягину? — возражал я. — Что она нам может дать? Ведь пьяницы — они никогда не бывают правдивыми и самостоятельными, а потом... не исключено, что она связана с бандитами: не зря же у нее видели Лапушенко с двумя подозрительными...

— Я думаю, — отвечала Тася, — что она столько же связана с бандитами, сколько Лапушенко, к которому вы сейчас направляетесь. А может, к нему тоже не ходить?

— Но мы же не напрямую будем с ним говорить?

— А я что, прямо так и собралась откровенничать?

— Все-таки ни с того, ни с сего прийти к человеку... Можем так все дело провалить...

— Рассуждать нам сейчас, Федор, некогда, время и бандиты нас ждать не будут, а тем более Огородников с Литвинцевым. Мы уже и так много времени потеряли, а толку пока никакого. Ходить вокруг да около можно еще месяц... А насчет того, как и где можем провалиться — говорить не стоит! Неудача настигнуть нас может в любом месте, надо надеяться на лучшее и действовать! — с жаром говорила Тася.

Возражать я больше не стал: девушка была уверена в правильности своих действий и так горячо отстаивала свою правоту... И она была права, я убедился в этом, когда вернулся обратно.

В зимовье мы побывали, но Лапушенко там не застали, по всей видимости, он давненько куда-то уехал. А может, ушел в банду...

Тася же добыла неплохие сведения.

Как ей удалось вызвать на откровенность Мотьку — не знаю, спрашивать не стал. Но порозовевшие щеки девушки, улыбка и чуть уловимый сивушный запах говорили о том, что общий язык с женщиной она нашла за чаркой.

— Заметно? — весело спросила она. — Иначе нельзя было: она не стала бы разговаривать со мной. Правда, выпила-то всего рюмку, а остальное под стол.

Мы сидели на лавочке возле дома, старики копошились в огороде. Солнце клонилось к закату, дул легкий, теплый ветерок.

— Да-а, крепко прячут они свое логово, — говорила Тася. — Где оно — не знает ни Мотыка, ни ее Митрофан и никто другой.

— Значит, Лапушенко не с ними?

— Пожалуй, нет. Валандается кое с кем — берет для них у Мотыки самогонку, а больше ничем не связан. Так, по крайней мере, о нем Мотыка говорит. Сама же она терпеть не может этих «волков» за их наглость и хамство. Похоже, что и Витюля Кудяхтин здесь, Мотыка зовет его «Городской». А если он здесь, то...

Девушка вдруг сделалась серьезной и пристально посмотрела на меня...

— Ты помнишь, Дюков намекал о моей еще одной возможности.

Кажется, теперь я начал догадываться, о какой возможности девушки говорил тогда Дюков: Воронова и Витюля, значит, были хорошо знакомы.

— Он знает, что ты работаешь в уголовном розыске? — спросил я.

— Нет.

Тася немного помолчала, о чем-то сосредоточенно думая, затем продолжала:

— Звягина хоть и не знает, где находятся бандиты, но рассказала, что однажды шла от зимовья Лапушенко и забралась на сопку, чтобы с вершины крутяка поглядеть вокруг. Оглядевшись, она стала смотреть на Ундургу и вскоре увидела, как верстах в трех-четыре выше зимовья, против пади Бриллиантовая, через реку переправлялись два всадника. Она догадалась, кто это такие. А вечером они с Лапушенко появились у нее за самогонкой.

Тася тронула меня за рукав.

— Теперь ты понял, где надо искать банду?

— Догадываюсь, — ответил я. — А где сейчас Лапушенко? Не знавала?

— Мотыка говорит, что подался на Кару, золотишко намытое сдавать.

На следующее утро мы снова пошли на «работу». Выйдя из села, углубились в пойму речушки и пошли в сторону Ундурги. Мы должны были осмотреть местность там, где, по словам Звягиной, переправлялись два бандита. Под видом обследования устья Елкинды и берегов Ундурги мы рассчитывали увидеть или «случайно» наткнуться на табор, а далее действовать, исходя из обстановки: уйти незамеченными, последить за табором или, на худой конец, в открытую подойти к нему. Шли мы долго, осторожно, вглядываясь в каждый куст: не появится ли кто. И когда из-за сопки выехал всадник, мы не удивились. Еще издали я заметил, что через плечо у него перекинута винтовка.

— Кажется, это их человек, — тихо сказала Тася.

Было заметно, что она чуть-чуть волнуется.

— Кому же тут еще быть? — я старался говорить спокойно.

Конечно, особо опасаться нам сейчас было нечего: документы у нас исправные, оружие мы спрятали в Такше и нас тут никто не знает. Кому мы нужны — геологи! Всадник направился прямо к нам.

— Куда направляетесь? — не поздоровавшись, спросил он.

Это был молодой розовощекий парень с маленькими, бегающими

глазками. За плечами у него висела трехлинейка, а на боку «парабеллум» в деревянной кобуре и охотничий нож.

«Да-а, здорово они тут вооружены», — подумал я.

— В устье Елкинды едем, — ответила Тася.

— Зачем?

— Мы геологи и намерены разведать устье этой речушки и берегов Ундурги.

С минуту парень о чем-то думал, затем почесал затылок под старой замусоленной кубанкой и спросил:

— А документы есть?

Тася зло сверкнула глазами.

— Собственно, по какому праву вы нас допрашиваете и требуете документы?!

Парень скорчил недоумевающую рожу.

— А вот по такому, — вскинул он винтовку, — сейчас продырявлю ваши черепки — тогда будете знать, по какому праву.

Делать было нечего — этот кретин мог привести свою угрозу в исполнение, и мы подали документы. Парень раскрыл, повертел так и сяк наши бумаги, потом аккуратно свернул и положил себе в карман.

— Мне велено все бумаги и документы задержанных доставлять начальству — оно разберется. — Он внимательно посмотрел на нас нагло-маслянистыми глазами. — А подозрительных тоже забирать.

Стало ясно, что он доставит нас в табор, и сейчас мы не представляли, что нас там ожидает, ведь бандиты, как известно, люди настороженные, и мы не настолько опытные, чтобы в чем-нибудь не запутаться. Притом мы еще плохо знали с Тасей друг друга. По всей вероятности, она тоже думала об этом и стала искать выход из положения.

— Послушайте, как вас там звать — не знаю, — заговорила она, — вы что же, не видите, что мы никакие не подозрительные, а обыкновенные геологи и нам надо работать. Что же вы на месте не можете разобраться?

Парень хмыкнул, Тася продолжала:

— Вы же видите, что у нас нет никаких пулеметов или там гранат, и хорошо понимаете, что воевать мы ни с кем не намерены — вы же человек военный.

Тут широкая рожа парня расплылась в довольной улыбке (видать, повлияло слово «военный»), и он призадумался.

— Нельзя мне самому, велено приводить, — словно оправдываясь, сказал он.

— Хорошо, — сказала Тася. — Тогда мой рабочий пусть приступит к работе, а я схожу с вами одна и представлюсь вашему начальству.

Парень подумал и неуверенно сказал:

— Ну разве так...

Этого я не ожидал. Как же она пойдет одна? Нет, я с этим не согласен, я не позволяю, чтобы...

Но Тася прервала мои мысли:

— Оставайся здесь, Федя. Возьмешь образцы у подножья той вон сопки и напротив в пойме речушки, а я скоро вернусь и проверю их. Она улыбнулась уголками рта.

— Ладно уж, иди, сделаю, — согласился, и добавил: — Только иди поосторожнее, а то оступишься где-нибудь и опять плохо будет. Парень немного проехал и слез с коня; было видно, что он пред-

лагал девушке сесть на коня, но она, видимо, отказалась, и они пошли пешком.

На опушке, у обомшелого камня, я прилег и стал думать, что делать дальше. Теперь Тася наверняка попадет в табор, и для нас это уже будет значить многое. Я почему-то не сомневался, что она сможет убедить бандитов в том, что мы действительно геологи и благополучно вернется. Ее красивые, умные глаза как-то по особенному, пронизывающе смотрят на человека, она, конечно, завоеует доверие. Нет, Тася не подведет, я в этом уверен! Но все-таки она ушла в звериное логово. Я пытался представить, как она будет себя вести при встрече с главарями банды, что она будет им говорить, какое у нее будет выражение глаз, но сколько ни думал — ничего не получалось. Бандитов я представлял обросшими, грязными, с каменными лицами и злыми глазами: они ведь здесь, в тайге, наверняка совсем озверели... Но появление столь милостивой девушки в их логове на какое-то время вернет им чувство человеческого достоинства. Все-таки женщина есть женщина! К ней обращение другое. Даже и у злодеев доброе слово для нее наверняка найдется. Вот если бы к ним попал я, да еще вызвал подозрение — тогда держись, никаких скидок и церемоний!

Раздумывая, я все время вглядывался в ту сторону, куда ушла девушка с бандитом. Но она не появлялась. Сидеть на одном месте скоро надоело, я стал собирать «пробы»; разные камни, какие попадались под руку, старался брать разноцветные. Набив рюкзак, спустился к пойме Елкинды, поковырялся для порядка в прибрежном песке, попробовал промывать его в лотке, но на дне лотка, кроме слюдяных блесков, ничего не находил.

Время было далеко за полдень, а я еще не ел, хотя в рюкзаке было кое-что припасено. Один есть не стал, надеялся, что Тася вот-вот вернется.

От речки, из зарослей, мне ничего, кроме сопки, не было видно, и я стал прислушиваться. Когда побудешь какое-то время в глухом лесу или другом безлюдном месте, то слух твой начинает резко обостряться и ты улавливаешь самые разнообразные звуки, даже мелкие шорохи. Так и я вскоре услышал глухой стук копыт и легкое поскрипывание колес со стороны Ундурги. Где-то далеко, может быть, в нескольких верстах отсюда, ехали на подводе. На всякий случай я решил не показываться на глаза ехавшим и залег в чепурыжнике недалеко от того места, где мы расстались с Тасей. Подвода приближалась. Я выглянул из-за укрытия и увидел вороного жеребца, запряженного в двуколку, а в ней Тасю и какого-то мужчину. Сзади, метрах в пятидесяти, ехал верхом все тот же мордастый парень. Двуколка направилась прямо на меня, я снова залег.

— Вот здесь, — сказала Тася, и двуколка остановилась. Я осторожно выглянул и увидел мужчину, что сидел рядом с Вороновой. Это был Витюля — Кухахин Виктор, которого я разыскивал как без вести пропавшего. Вот он, оказывается, где! Он был одет в легкую, защитного цвета куртку, перепоясанную крест-накрест ремнями, на голове фетровая шляпа, а на боку кожаная кобура. Лицо его обрамляла узкая рыжая борода. Он помог Тасе сойти с двуколки.

— Где же твой муж? — спросил он.

— Видимо, собирает пробы.

Знает ли Витюля меня? Наверняка, ибо этот проходимец должен был знать многих работников милиции в лицо, — ведь не раз попал к нам за мелкие дебоши. Я же знал его по фотографиям, а теперь

припоминал, что где-то встречал; поэтому показываться ему на глаза никак нельзя!

— Так вы в эти края надолго?

— Не знаю, — ответила Тася, — как пойдут дела.

Минуту они молчали. Конь нетерпеливо бил копытами о землю.

— Да-а, интересно иногда получается: не ждешь, не гадаешь и вдруг встречаешься, да еще в такой глуши. Поистине — мир тесен. Помнишь, Тася, профессора Стефанского? Он любил повторять: «Вы будущие геологи, люди бродячей профессии. Но где бы вы ни находились — никогда не забывайте, что у вас есть дома друзья. Никогда не считайте себя одиночками в этом мире. Мир — тесен». Кстати, ты закончила науку?

— Нет, вот теперь доучиваюсь самостоятельно.

— Что так?

— Жизнь. Судьба иногда не спрашивает нас, что ей с нами делать.

— Да-а, это верно. Вот и я... — он не договорил, осекся. Потом закончил: — Хотя и вольно в этой группе, но чувствую себя загнанным. — Кто же тебя загнал?

Он глубоко вздохнул, затем резко ответил:

— Кто? Совдепия да большевики — вот кто!

Было слышно, как Витюля закрипел зубами.

— Эх, скорей бы сам появился! Мы им покажем, как нашего брата грабить! Навыдумывали колхозов! — перешел он почти на крик.

— Успокойся, Виктор, — властно сказала Тася. — С каких пор ты стал таким?

— С тех, когда моего папашу ободрали и в гроб загнали!

Тася дала ему успокоиться и сказала:

— Ну, мне пора, а то Федор, видимо, ушел.

— Я подвезу.

— Не надо, я по дороге буду собирать образцы.

— Тася!

— Что?

— Будем встречаться? Вспомни студенчество.

— Не знаю, — неуверенно ответила она. — Будет видно.

— Вот здесь же... я буду приезжать, ты только подскажи той дубине.

— Я же замужем.

— Ты его выпроводи.

Тася призадумалась.

— Ладно, что-нибудь придумаем.

Она направилась в сторону Такиши, а Витюля погнал вороного к Ундурге.

Я облегченно вздохнул и вылез из укрытия.

— ИХ ТАМ было немного, человек десять, — рассказывала Тася, — все больше пожилые, бородатые мужики, по обличью — кулачье. Есть и стройные, подтянутые, — это из недобитых; есть молодые, наподобие того мордастого, — это кулацкие сынки. Ну и Витюля — он у них вроде какое-то положение занимает, но побаивается главаря. Самого не было, он где-то промышляет с частью банды. С Витюлей мы знакомы еще со студенческих лет, даже немного дружили. Правда, после первого курса он учиться не стал: человек он разгульный и учеба

не для него. Мне он, кажется, поверил. Да и как не поверить, ведь я продолжала учиться — он это знал, и документы у меня хорошие. Вот только мужики смотрели косо, с недоверием. Живут в шалашах, вооружены хорошо: винтовки, наганы, ножи. Много лошадей — видимо, у каждого своя. Место глухое. Табор находится за рекой, у подножья скалистой сопки, кругом непролазный лес. Сюда, в сторону Такши, обзор неплохой. Посты установлены только здесь, на подходе к табору, да еще один на дереве: там сделано гнездо, наподобие пожарной вышки. Вот и все, что удалось узнать на сегодняшний день.

— Тасенька, ты сделала очень много! До сегодняшнего дня мы об этом могли только мечтать, ты намного ускорила нашу работу! — с искренним восхищением сказал я.

— Рано нам радоваться, Феденька, — бандиты ведь целы-целехоньки и продолжают творить свои черные дела, — спокойно проговорила она.

Сердце мое тревожно-радостно сжалось: она назвала меня Феденькой: так называют близкого или любимого человека. Бывает, правда, у некоторых иногда привычка называть людей ласково, но у Таси этой привычки я не замечал. Может быть, это она на радостях? Видимо, так. И все-таки я спросил:

— Скажи, Тася, ты замужем?

Она лукаво посмотрела на меня и, улыбаясь, ответила:

— Да.

Я почему-то считал, что она не замужем, и, услышав ее ответ, ошеломленно замолчал. А Тася подошла, взяла меня за руку и шутливо сказала:

— Ты же сам знаешь, что я замужем: ведь мы с тобой муж и жена.

Я понял ее шутку. И вдруг на меня навалился смех, самый настоящий дурацкий смех. Я хохотал во всю глотку, а эхо откуда-то издалека доносило неясные клокочущие звуки. Тася озабоченно дернула меня за руку.

— Ты что это? Не забывай, где мы!

Я вытер слезы и огляделся вокруг.

— Прости, Тася, — давно не смеялся.

Потом мы шли молча.

Среди ночи, когда мы крепко спали, я услышал возню и крики людей на улице. Выглянув в крохотное оконце, увидел невдалеке зарево — горел чей-то дом. Тася тоже проснулась и, не вставая с постели, спросила:

— Что там, Федор?

— Горит дом, надо помочь тушить.

Я засобирался.

— Подожди, — удержала меня Тася. Она хотела еще что-то сказать, но в это время в дверь нашего домика сильно постучали. И я отчетливо услышал слова:

— Открывай, старый черт, а не то раскатим твою гнилушку!

— Сейчас, — ответил дребезжащим голосом дед и, шаркая, пошел в сенцы.

Я бросился к половице, где было спрятано наше оружие, но Тася каким-то чужим голосом приказала:

— Ложись ко мне и притворись пьяным!

Я юркнул в ее теплую постель. Мою она швырнула под кровать и легла рядом. Мне вдруг стало не по себе: стыд и в то же время жгучая

затаенная радость возбуждали мое сознание, холодные струйки пота потекли из под мышек, во рту пересохло. Я впервые лежал с девушкой в постели... А голос незнакомца в соседней комнате спрашивал:

— А в той конуре у вас кто?

— Геологи... геологи у нас остановились.

— Какие там геологи? — спрашивал уже другой, визгливый голос.

— Обыкновенные, — дерзко отвечал дед.

Басистый голос пригрозил:

— Ну ты, старая рухлядь, покороче, а то... — он не договорил угрозы.

Визгливый голос раздался у самой двери:

— А ну, показывай!

Дверь открылась. Тася вскрикнула и села на кровати, прикрывая грудь одеялом.

— Что вам здесь надо?

— О-о! Какое прелестное создание, — протянул у двери бас.

— А там кто?

Я неестественно громко храпел, отвернувшись к стенке, а сердце тревожно колотилось.

— Это мой муж, он пьян.

— А-а, — пробасили рядом.

А Тася продолжала возмущаться:

— И потом: почему вы врываетесь в чужое жилище, по какому такому праву? Я вот пожалуюсь на вас Виктору Лаврентьевичу.

— О-о! Да она заносится! — шутливо сказал бас, и серьезно спросил:

— Откуда вы знаете его?

— Он мой друг, мы с ним вместе учились.

В комнате на минуту воцарилась тишина.

— Ну-ну, — снова протянул бас.

Шаги направились к выходу.

— А может, это уполномоченные, — вдруг сказал визгливый.

Наступила пауза. Мне показалось, что бандиты вернулись в комнату. Сердце мое, начавшее было успокаиваться, вновь тревожно забилося. Я сжался и приготовился к прыжку. Девушка, кажется, угадала мою решимость и положила холодную ладонь мне на щеку.

— Ладно, Сеня, потом проверим, — проговорил бас.

Шаги удалились. Я облегченно вздохнул и повернулся на спину. Хотел встать, но Тася легонько потрогала меня за плечо: лежи. Дед закрыл задвижку в сенях и, прикрывая наши двери, пробурчал:

— Это Косой был, со своим прихвостнем.

Мы молча лежали, разговаривать не хотелось, мысли путались. Я жалел, что не увидел в лицо Косого, не разглядел этого бешеного и в то же время спокойно-корректного человека. А надо бы. Надо бы посмотреть на эту гадину, но не смог — Тася не дала этого сделать. Ох, Тася, Тася! Как же хорошо ты все предвидишь! Только теперь я понял, зачем она заставила меня притвориться пьяным: она рассчитывала, что бандиты не станут возиться с каким-то пьянчужкой, храпящим под боком жены, я в этом убедился: бандиты даже не пытались повернуть меня лицом и посмотреть.

Тело мое горело, но я боялся пошевелиться, боялся даже малейшим движением обидеть или побеспокоить Тасю. Не мог я и встать — раз она пожелала, чтобы я лежал, — значит, так надо, а зачем? Уснул

я под утро тяжелым, кошмарным сном.

Мне приснилось, будто я лежу на стоге сена, светит солнце и вдруг мне на лицо полился дождик. Я хотел зарыться в сено, ухватился за пучок, а это... одеяло в руках, а надо мной стоит улыбающаяся Тася и брызгает в лицо холодной водой.

— Вставай, муженек, пора на работу. — И наклоняясь к самому уху: — А то всех бандитов проспишь.

На дворе ярко светило солнце, лучи его причудливыми бликами пробивались в комнату через маленькое оконце. На кухне покашливал дед, через щели нашей двери пробивался запах самосада. Бабка Устинья постукивала посудой, потрескивали лучины в самоваре.

— Встаю, отвернись.

Тася вышла к старикам.

За чаем дед сидел молча, насупившись, и смотрел в одну точку, куда-то выше окна. Бабка глубоко вздыхала.

— Появилась же проказа у нас, ядрена мышь! — вдруг прорвало деду. — Гады, собаки! Что же они здесь пиратничают? Все ищут активистов да палат домишки! Ефима-то к чему разорили? Ай-яй-яй, варнаки и только.

— Какого Ефима? Не Чернова, случаем? — настороженно спросил я.

— Его — партейца нашего.

Сердце мое сжалось: это сообщение поразило меня. «Эх, здесь жгли человека, а я преспокойно спал в мягкой постели!»

— Сам-то Ефим пострадал?

— Нет. Слава богу, сумел через окно уйти.

Я облегченно вздохнул.

Дед со свистом прихлебывал чай из блюдца.

— Отпор бы им какой дать, только вот оружия нету, а то бы собрались мужики...

— Сидел бы уж на печи — вояка! — перебила его бабка.

— А что, я бы еще сгодился, ничего, что стар.

— Еле ноги таскает, а туда же.

— Не я, так другие дали бы им по шее.

— Вот-вот, — успокоилась бабка и принялась загребать загнету в печи.

— Но где же власть-то наша? Где же помощь, которую мы просили? Нету, не слышат нас!

Он ударил жилистым кулаком по столу. Бабка оглянулась и зло сверкнула глазами.

— Что разъерепенился, старый? Дал бы людям спокойно чай попить.

— Дедушка прав, — тихо сказала Тася. — Помощь здесь нужна и как можно скорее.

— Вот-вот, доченька, правильно говоришь. Хотя бы вы в городе-то похлопотали, а то депеша наша где-то, видно, затерялась. Скоро ли там будете?

— Да вот Федор на днях собирается образцы везти.

— Правильнее сказать — понесет, ведь ехать не на чем, — вмешался я.

Дед почесал затылок, задумался, потом вскинул мохнатые брови и сказал:

— Найдем какую-нибудь клячу — добрых-то эти изверги поотбирали. Может, Евлаха приедет, так сговорим его. — Мироныч подмигнул.

— Ну как, Федор, сделаешь дело: выполнишь нашу просьбу? — спросил он.

— Нам надо еще камни пособирать, — ответил я.

— Да я вам помогу их хоть целую телегу набрать, — не то всерьез, не то в шутку сказал дед.

— Надо знать, какие собирать, — сказала Тася. — Но уж если быстрее надо, то мы поторопимся.

— Не лез бы ты, старый, в эти дела и людей не вмешивал, — ворчала бабка.

— Вот бы ты не лезла в наши дела, а возилась с горшками да помалкивала, как добрые-то делают, — осердился старик.

— Ладно уж, захорохорился, — отмахнулась она.

В этот раз я проводил Тасю до половины пути к тому месту, где она должна была встретиться с Витюлей, а дальше мне нельзя было идти: встреча с Кудактиным не предвещала ничего хорошего.

Я добрался до половины сопки и спрятался за толстой сосной: отсюда хорошо просматривалась долина и пойма Елкинды, отсюда я мог видеть всех, кто проезжает. Но прежде всего я набрал рюкзаки камней: так будет надежнее в случае встречи с кем-либо.

Как мы и полагали, Витюля явился вовремя и один, он приехал на той же двуколке. Тася села с ним рядом, и они медленно поехали в сторону Ундурги. У меня вдруг появилось неудержимое желание скрутить Витюлю, увезти его подальше в лес и выпытать все о бандитах. Сделать это не так уж трудно: подкрасться сзади, стащить с двуколки и скрутить. Он бы и пикнуть не успел — этому нас учили на курсах. Я даже пробежал немного наперерез, но потом одумался: зачем так делать? Зачем пороть горячку, когда без риска дело пока идет неплохо.

А Тася, разве она не рискует? Да, рискует, но ее риск пока не велик, и она сможет за себя постоять — на нее я надеялся. Ну, а взяв Витюлю, мы могли отсюда вообще не выбраться, провалить все дело, ведь бандиты очень скоро хватятся его. Нет, этого делать нельзя!

Я забрался в кусты багульника и прилег на мягкую траву. Потом на меня навалилась дремота и я уснул — сказала бессонная ночь. Проснулся в полдень, когда солнце стояло в зените и припекало меня сквозь редкую листву. Оглядев долину, я не увидел двуколки; вдали двигалась одинокая фигура — это была Тася. Догнал я ее в полуверсте от Такши. Впрочем, она ждала меня и, когда я вышел из леса, пошла мне навстречу. Она многое узнала от Витюли, и теперь спешила поделиться со мной.

— Где же ты, Феденька, запропастился? Не волки ли уж, думаю, съели тебя, — весело проговорила она, но на лице ее я прочел озабоченность.

— Да немного вздремнул, — признался я. — Ты что-то долго была на свидании с «любимым».

Она усмехнулась и с иронией сказала:

— Пришлось лавировать с женихом — любовь, видите ли, его одолела. — Потом серьезно продолжила: — Выболтал он мне их планы, может, не все, но кое-чему верить можно. Собрались они сейчас все, три-четыре дня будут отдыхать и готовиться к новым вылазкам. Цель их — кое с кем рассчитаться (у них даже черный список есть), нагнать ценностей и податься за границу. До границы пойдут всей бандой, а там сам главарь, Витюля и еще несколько «надежных» отделятся и уйдут одни. Кстати, Витюля проговорился, что «освободил» своего любимого дядюшку в Чите от некоторых золотых вещичек.

— Так вот почему дядя столько сил прилагает к розыску племянника! — воскликнул я.

— Да, видимо, поэтому, — согласилась Тася.

— А как же он сюда попал?

— Очень просто: у их главаря, Косого, в городе есть приятель, работает где-то по заготовкам пушнины. Через него Витюля и оказался здесь.

— Фамилию этого приятеля не называл?

— Нет, только назвал его Сидоркой, а что это: имя или кличка — непонятно. И его надо отыскать — наверняка он замешан в их делах.

— Ну, это потом. Что еще толкует Витюля?

— Клянется, что в меня влюблен и зовет с собой туда, за границу, рисует райскую жизнь.

— Ну, а ты как? — улыбнулся я.

— Я-то? Сказала, дам ответ позже, когда «отвяжусь» от тебя, то есть, когда уйдешь с «пробами». Об этом мы с ним тоже договорились, я даже узнала пароль, по которому тебя пропустит их пикет под Береей.

— О, это уже неплохо!

— Что неплохо? Что от тебя отвяжусь? — с притворным кокетством спросила Тася.

— Нет, это плохо, а хорошо то, что ты вызнала пароль.

— А-а, тогда ясно.

Небо было чистое и прозрачное, солнце нещадно палило. Травы прижались к земле, цветы поникли, птицы попрятались в кустарнике, и только кузнечики весело стрекотали в поле, да в ложбине неугомонно звенела зеленая Елкинда.

— Да, мне пора в Бушулей — Огородников с Литвинцевым наверняка заждались, — озабоченно сказал я.

— Только где возьмем лошадь?

— Миронич же сказал, что поможет.

— Что ж, будем надеяться на него.

Тася взяла меня за руку, и мы пошли к селу.

Сборы в путь были недолги. А с лошадью нам повезло: к вечеру явился дед Евлампий на телеге, запряженной парой лошадей. Он привез в Такшу извесь. И после недолгих уговоров согласился дать пристяжную пегую кобылку.

На закате я выехал из Такши, Тася проводила меня до поворота на Царский тракт. Мы молча постояли несколько минут и стали прощаться.

— Ну что ж, до свидания, Тася, — протянул я руку девушке.

Она подошла, обняла меня за плечи и поцеловала в щеку, затем резко отпрянула, круто повернулась и пошла, не оглядываясь.

Я стоял как заколдованный, глядя ей вслед. Потом опомнился и крикнул:

— Береги себя, Тася, я скоро вернусь!

Она обернулась и помахала рукой.

ДОРОГА предстояла дальняя. Я торопился, но лошадь надо было беречь, ехать пришлось где рысцой, где шагом. Ночью добрался до Берей; собаки, учуяв чужого человека, надрывно залаяли. Перед самой деревушкой, там, где раскинулась болотистая низина, из кустов тальника вдруг вынырнули два всадника. Это был бандитский пикет.

— Стой! Кто едет? — крикнул хриплый голос.

— Бросай оружие! — вторил другой помоложе.
— Это кнут, а не оружие, — ответил я.
— Все одно, бросай, — настаивал хриплый голос.
Я бросил на землю кнут, направил лошадь к всадникам.
— Стой, куда прешь?! — приказал этот же голос.
Только теперь до меня дошло, что надо ответить пароль.
— Свои, оттуда. Бурлит Ундурга! — сказал я.
Всадники немного помолчали.
— Проезжай, чо так поздно шляешься?
— По делам.

Я поравнялся с ними. В темноте нельзя было различить лиц, но по осанке и голосу догадался, что один из них был мужчина в годах, а другой совсем еще молодой парень.

— Как там у нас дела? — спросил старший.
— Дела идут хорошо, все в порядке.
— Долго нам тут ишо торчать?
— Потерпите малость.
— Скорей бы уж, а то надоело без дела валандаться.
— Ничего, терпи казак — атаманом будешь...
— Шайтаном тут будешь, а не атаманом, — пробурчал старший.

Мы перекинулись еще несколькими словами, и я поехал дальше. За Береей дорога разветвлялась, а я дальше Озерной никогда не бывал и сейчас боялся сбиться. Но лошадь уверенно выбирала нужную дорогу — она, видимо, не один раз здесь ходила. На рассвете благополучно миновал Озерную, а утром был уже в Бушулее. Отыскал Огородникова — он, как условились, ждал меня в селе, а Литвинцев с отрядом в лесу, в пади Великие Логи.

— Ну и заждались же мы тебя тут! — радостно воскликнул Огородников. — Ждать да догонять — хуже всего, утомительно, брат!

Его широкое, смуглое лицо расплылось в улыбке, карие глаза азартно горели.

— Я не обещал быть раньше. Моли бога, что за это время успели кое-что узнать, а то бы пришлось дольше ждать, — сказал я.

— Безделье на меня действует отвратительно, чуть с ума не спятил и, признаюсь, даже хотел уговорить Литвинцева двигаться туда, напролом.

Да, находясь в Такше, я, видимо, не зря беспокоился о том, что Огородников проявит нетерпеливость — будет рваться туда, уговаривать других. И впрямь, если бы мы с Тасей помедляли еще несколько дней, могло случиться то, чего я так боялся: он бы повел отряд в Такшу открыто, «напролом», как он говорит. И неизвестно, чем бы это кончилось. Одно ясно: бандитов бы он, конечно, спугнул, а, может, и сам попал в ловушку.

— Выдержки нет у тебя, Иван Иванович, — упрекнул я его.

— Тут выдержка ни к чему — бить их надо! Мы выжидаем, а они пакостят! — с обидой проговорил он. — Драться надо, а не выжидать и не вынюхивать!

— Можно все провалить и людей под пулю подставить.

— Борьба без потерь не бывает.

— Надо, чтобы с нашей стороны потерь было как можно меньше, может, и совсем не было — вот для чего разведка, «вынюхивание», как ты говоришь.

— Надо внезапностью брать!

— Без разведки не возьмешь, — спокойно возразил я.

Огородников оказался человеком вспыльчивым. Мог шутить, смеяться, неожиданно взорваться и так же быстро отойти. Вот и сейчас он успокоился и мирным тоном сказал:

— Ладно, согласен, сдаюсь. Но теперь-то надо поторапливаться.

— Теперь — да, ты прав.

С командиром отряда Литвинцевым мы встретились впервые. Это был высокий, смуглый, с мужественным лицом мужчина лет тридцати — тридцати пяти. Одет он был в бриджи цвета хаки, такую же куртку, фуражку и перепоясан крест-накрест ремнями: ну, точь-в-точь, как ходили красные командиры в двадцатых годах. И выправка соответствовала форме: он был строен, подтянут, говорил отрывисто, по-командирски. Встретил он меня так, как будто мы с ним совсем недавно разошлись и снова встретились.

— Ну, как там у вас дела, разведчики? — после приветствия спросил он.

— Кое-что есть, надо обсудить, — ответил я.

Литвинцев пригласил нас в просторный шалаш, сооруженный из березовых жердей и покрытый свежей травой. В шалаше — стол из сосновых плах и скамейки.

— Это наша «штаб-квартира», — Литвинцев улыбнулся одними глазами, достал карту, вычерченную от руки, и разложил на столе. Кому-то громко крикнул: — Терентий, организуй чайку, — и обратился ко мне: — Ну, так какие у вас данные?

— Логово банды мы нашли.

— Где? — наклонился он над картой.

Я долго не мог разобраться в обозначениях на карте, но с помощью Литвинцева все-таки нашел речку Ундургу и Елкинду. Чуть выше устья Елкинды, во входе в узкую падь Бриллиантовая, я поставил точку.

— Вот здесь они отсиживаются.

— Та-ак, — задумчиво протянул Литвинцев. — Значит, вот где они устроились. Хорошо. Подходы как?

— Подойти можно только от Ундурги и еще от Филаткина озера — там закраек пологий и лесистый.

— Так... Охрана как?

— Есть пикет под Береей и вот здесь, — показал я на устье Елкинды.

— Количество людей в пикетах?

— У Берее — два, у Елкинды один человек.

— И только?

— Да, — вспомнил я, — «воронье гнездо» у них есть, у самого логова.

— Сколько всего бандитов?

— Человек двадцать — двадцать пять.

— Вооружены как?

— Трехлинейки, наганы, ножи.

Литвинцев оторвался от карты, выпрямился, задумчиво постучал карандашом по столу.

— Пикеты придется снимать с особой осторожностью, а потом уж действовать. Желательно брать живыми.

Принесли чай. Литвинцев присел к столу, отхлебнул чаю, но пить больше не стал, отодвинул кружку в сторону, достал кисет, сказал:

— Отряд надо провести к месту как можно быстрее, чтобы кто-нибудь из сообщников бандитов не опередил нас.

— Села будем обходить? — спросил Огородников.

— Не знаю, подумать надо. Как вы думаете, товарищ Куратов?

— Думаю, что обходить села не надо, так как потеряем много времени, ибо по тайге сейчас передвигаться трудно — топь и болота кругом. А в селах надо оставлять наши пикеты.

— Здесь вот, у Бамовской елани, — снова нагнулся над картой Литвинцев, — нам надо будет разделиться на два отряда, чтобы одному подойти к логову со стороны Ундурги, другому — со стороны Филаткина озера. Согласны?

Мы кивнули.

— Действовать будем по возможности тихо и спокойно, без лишнего шума, — заключил командир.

Дождавшись темноты, отряд двинулся в путь. Было решено, что я, Огородников и еще трое бойцов выедем несколько раньше, чтобы снять бандитский пикет в Берее. Ни Озерную, ни другие села мы не стали объезжать стороной, считая, что выставленных нами пикетов достаточно, чтобы не выпустить кого-либо из бандитских сообщников. Одновременно мы надеялись, что наш отряд пополнится активистами. И не ошиблись: в Озерной к нам присоединились несколько человек, вооруженных берданками. Это были надежные люди, в основном из «черного списка» банды, возглавляемые учителем Войцеховичем. У Берее мои спутники приотстали, я же смело двинулся вперед. И не знал я, что Витюля приготовил мне ловушку, не мог я догадаться, что на обратном пути должен быть другой пароль.

Расчет Витюли был прост: возвращаясь обратно, я не смогу назвать нужный пароль и буду уничтожен бандитским пикетом, так как им был дан приказ никого не задерживать и не доставлять в лагерь, а подозрительных расстреливать на месте.

В деревне залаяли собаки, выдавая мое появление. А за деревней, из кустов выплыли два всадника. По силуэтам я определил, что это уже не те бандиты, что встречали меня вчера, и незнакомый голос спросил:

— Кто едет?

— Свои, оттуда, бурлит Ундурга, — поспешил ответить я.

Ответа не последовало. Всадники сблизилась, о чем-то тихо заговорили.

Собаки в деревне вновь надрывно залаяли: это появился Огородников с бойцами. Бандиты разъехались по сторонам, я заметил, что они вскинули винтовки. И не успел я сообразить, в чем дело, — прогремели сразу два выстрела...

Первое, что я почувствовал, — это резкую боль в левой ноге, чуть ниже колена, и ожог правой щеки. Моя кобыла издала звук, напоминающий глубокий вздох, и я мягко свалился на землю. Спрятавшись за ее вздрагивающей тушей, я выхватил «кольт» и несколько раз выстрелил в одного из бандитов, что был от меня справа.

Раздался дикий вопль, и бандит мешком свалился с коня. Второй, что был слева, заметался на месте, выстрелил в мою сторону и повернул прочь от деревни. А из деревни стремительно выскочили мои товарищи. Бандит снова промахнулся, пуля шлепнулась в грудь кобылы и прикончила ее. Я вскочил, чтобы бежать навстречу своим, но от резкой боли в ноге тут же упал. Через несколько минут в районе Кислого ключа послышались крики и стрельба: Огородников, по всей видимости, завел бандита в болотину, так как до меня доносились какие-то хлюпающие звуки. А вскоре все стихло. Я поднялся и поскакал на одной ноге к дороге. Попробовал встать на больную ногу, но боль не дала этого сделать — значит, ранило серьезно.

Бандит, в которого я стрелял, лежал на обочине дороги, широко раскинув руки, и не подавал признаков жизни, а его лошадь, пофыркивая, спокойно паслась в стороне.

Вскоре подскакал разгоряченный Огородников.

— Щелкнули, как чирка в болоте. Гад, еще сопротивлялся! — выпалил он.

— Все целы? — спросил я.

— Мы-то целы, а ты вот, вижу, подстрелен.

Он соскочил с коня, велел сесть мне на землю.

— Куда угодило?

— Ниже колена, — указал я на левую ногу.

Он взялся за сапог, уперся в мою здоровую ногу.

— Зажмурь крепче глаза, а то из них сейчас брызнут фонтаны. — И сдернул сапог.

Из глаз моих брызнули не фонтаны, а оранжевые искры, я еле сдержался, чтобы не крикнуть. Огородников осмотрел рану, освещая спичкой, затем достал из вещмешка чистую тряпку и перебинтовал.

— Икру пробило, — пояснил он. — Рана пустячная, но йодуку бы надо.

— Ладно уж, — обрадовался я, — как-нибудь до Такши дотянем, а там найдем все, что полагается. Щеку бы еще замотать, а то саднит. Он посветил спичкой.

— Да-а, подпакостили тебе обличье, но ничего, не расстраивайся, меньше говори и не улыбайся, без замотки затянет.

Мне поймали лошадь убитого бандита. Конь оказался справный, упитанный, резвый. Верстах в трех от Такши отряд свернул вправо, на Бамовскую елань. Мы же с Огородниковым поехали в село, чтобы встретиться там с Тасей, уточнить обстановку и уже к рассвету быть у логова. Огородников вернется к отряду, где возьмет под командование часть людей и двинется к бандитам со стороны устья Елkinды.

Но в Такше меня ждало разочарование: Тася дома не была уже целые сутки.

— Ушла на Ундургу собирать свои камни и все-то нету, — виновато пояснил дед Мироныч. — Евлампий вон ездил, шукал ее, но без толку.

Дед Евлампий, сидевший в углу на лавке, зачмокал губами, горестно сказал:

— Не попала ли в лапы к бандюгам? Не браво тогда получится, японский бог.

— Ты что, деда, говоришь?! — вдруг обозлился я. — Рано еще панихиду по ней справлять!

— Так-то оно, поди, верно, но...

— Ладно тебе, Евлампий, чепуху молоть, — перебил его Мироныч, — брось причитать, не бреди парню душу!

Дед Евлампий почмокал губами, намереваясь что-то сказать, но, видно, передумал, махнул рукой и полез за кисетом.

— А тебя кто разукрасил? — спросил дед Мироныч, оглядывая меня.

— Кому тут больше разукрашивать... — ответил за меня Огородников.

Старик пытливо посмотрел на нас и спросил:

— Когда же вы их кончите?

— Сегодня, — уверенно ответил Огородников.

— Дай бог, дай бог, — покачал седой головой дед.

НА УЛИЦЕ брезжил рассвет, когда Огородников умчался к отряду. Мне нельзя было с ним ехать: разболелась нога и воспалилась рана на лице. Надо было обработать ее и перебинтовать. Я спросил у деда бинт и йод.

— Нету, паря, ничего ентого, — сказал он. — А есть у меня такая штука, способная заращивать кости. — Он поднялся и, шаркая ногами, ушел в свою комнату.

Дед Евлампий сидел у печки на корточках и, уставившись в одну точку, молча курил трубку, пуская дым в открытую дверцу. Видать, обиделся старик, раз молчит. Но и мне было не до разговоров: я был сильно расстроен из-за отсутствия Таси, да еще эта боль в ноге. Вскоре Мируныч вернулся с жестяной баночкой, обмотанной тряпкой. Он размотал мою рану, оторвал две небольшие тряпочки и густо намазал каким-то смолянистым, пахучим веществом.

— Что это, дед? — поинтересовался я.

Дед не сразу ответил: он повертел баночку перед глазами, словно что-то на ней выискивал, понюхал ее и бережно поставил на лавку.

— Это, паря, скальные слезы, а по ученому зовут ее мумией. У нас она только под Курулей бывает, но доставать ее шибко рисковно; хорошая это штука — все одно зверь языком зализывает, вот почувешь.

И он приложил тряпочку к входному и выходному отверстиям, затем крепко перевязал. Намазал рану и на лице.

Попив наскоро чаю, я собирался: сидеть и распивать чай со стариками, когда люди громят банду, я никак не мог, — да и Тасю надо было выручать.

— Ты куда это, паря, загоношился-то? — спросил Мируныч.

— Надо мне туда, со всеми я должен быть...

— Куда ты подстреленный-то потащишься? Не рискуй зря, — уговаривал он.

Дед Евлампий вдруг резко поднялся и одним духом выпалил:

— Ладно, не перечь ему. Я заодно с ним соберусь! Чаво он тут будет отсиживаться? Японский бог!

Дед Мируныч укоризненно покачал головой.

— Ну и вояки: старый да хромым. Хоша и хорохоритесь, а зараз как рябков перешшолкают... Не встревали бы...

— Ничего, кум Мируныч, — уже весело сказал дед Евлампий, — мы ишшо гожи, а старого волка зараз не проведешь...

— Ну бог с вами, — махнул рукой Мируныч.

Над крутыми черными сопками появилась узкая бледно-голубая полоска: с каждой минутой небо на востоке становилось светлее. Где-то на окраине села наперебой кричали петухи, в пойме Елкинды затрещали чечетки, в болоте пропищал кулик. Я отвязал от коновязи бандитского коня и подвел к телеге, где дед Евлампий запрягал своего «битюга».

— Чей это конь? — спросил он.

— Отняли у бандитов.

— А кобылка, Маруська моя, где?

— Нету, убили ее, возьми теперь этого.

Дед ничего не сказал, только тяжело вздохнул.

Когда мы выехали за околицу, он раскурил трубку и тихо сказал:

— Знать, нетути теперича Маруськи... Ладная была кобыленка. Я понял, что он тяжело переживает утрату лошади.

На перекрестке с Царским трактом мы остановились. Дед обернулся ко мне и сказал:

— Сдается мне, Федя, нам надо влево.

— Почему влево?

— На место не поспеем, ваши хлопцы опередят. Лучше направиться к Чертову мосту и там покараулить. Всех-то не накроют, а ентих, кто ускользнет, мы тут встретим. Они никак не минуют еного моста. Не зря, паря, лихие люди раньше тут караулили.

Я подумал и согласился. Правильно говорил дед: мы с ним можем сыграть неплохую роль. Ведь действительно, если кто из бандитов сумеет вырваться, то обязательно поскачет мимо Чертова моста, а мы тут как тут...

У моста мы свернули, заехали в кусты ивняка и привязали там лошадей. Дед помог мне доковылять и принес наше небогатое вооружение: трехлинейку с десятком патронов, которую я взял в отряде, и дедовскую берданку. Мы устроились за выступающим срубом моста — обзор отсюда был хорош во все стороны. При необходимости можно было залезть под настил и подпустить бандитов вплотную. Ждать нам пришлось недолго: в той стороне, где небо прояснилось, за темными сопками вдруг раздалась глухие выстрелы.

— Начали! — радостно сказал я. — Так их, гадов!

Дед спокойно развернул кисет, набил табаком трубку и закурил. Я укоризненно посмотрел на него: ведь увидят дым-то.

— Не пужайся, паря, успею высосать трубку, пока они заявятся, — успокоил он меня.

Стрельба продолжалась. На душе стало беспокойно — я переживал за Тасю. И только сейчас я с ужасом вспомнил, что не подсказал Огородникову, чтобы он предупредил бойцов о девушке. Ведь не зная, что она своя, кто-нибудь может и ее взять на мушку... А бандиты — они могут догадаться, что она неспроста появилась в их логове, и тогда... Ах ты, дьявол! Ну как же я мог не предупредить!

Дед заметил мое волнение.

— Ты что егозишь, паря?

— Худы дела, деда, — подавленно проговорил я. — Тася под угрозой, забыл я предупредить ребят.

Дед погладил бороду, почмокал губами.

— Ты не шибко убивайся, паря, не должны они ее стрелять — своя, поди.

— Я же говорю: они не знают, что она своя.

— А ты все одно не убивайся, своих пуля не берет, — старался утешить меня старик.

— Ох, если бы это было так, — тихо сказал я и глубоко вздохнул.

— Эдак оно, Федя, эдак, — убедительно сказал дед.

На востоке порозовело. Подул слабый утренний ветерок, заиграл в листьях молоденьких березок и осинок. Со стороны Ундурги потянуло легкой прохладой. Где-то в чаще рывкнул гуран, учуяв человеческий дух, на северо-западе, в вершине пади Жипкос, затрещали кусты и на марь вышли три сохатых. Я залюбовался лесными великанами — они, не обращая внимания на приближающуюся стрельбу, спокойно ходили вдоль опушки леса. Заглядевшись на сохатых, я забылся и вздрогнул, когда дед подтолкнул в бок.

— Глянь, паря, бандюги!

Из-за леса по мари в нашу сторону выехали три всадника. А через минуту вывернулась знакомая мне двуколка, в которой сидели два

человека. В одном из них я узнал Витюлю Кудактина, а второй... Сердце мое заколотилось: Тася! Да это была она — моя смелая, умная подруга! Потом выскочили еще несколько всадников — наши бойцы. Они открыли пальбу по убегающим. Витюля то и дело вставал в двуколке и стрелял из нагана в преследователей. Трое бандитов тоже изредка отстреливались. Я взял на мушку первого из них. Дед положил руку на прицельную планку моей винтовки.

— Погоди, не пужай, подпусти ближе.

Но я не сдержался и нажал на курок. Прогремел выстрел — я промазал. Бандиты, услышав выстрел с нашей стороны, остановились, замешкались, осозная, что попали в ловушку. Воспользовавшись замешательством, я прицелился и выстрелил второй раз. Теперь я попал. Бородатый мужик сполз с лошади и мешком свалился на землю. Враз со мною выстрелил дед, второй бандит ткнулся лицом в гриву коня, резко вскинул руки и кубарем перелетел через круп лошади. Третий же заметался на месте, потом пришпорил коня и вихрем понесся к лесу, туда, где желтой змейкой проходил Царский тракт. Мы еще несколько раз выстрелили ему вдогонку, но не попали.

Я взглянул в сторону двуколки и... обомлел. Витюля с гиканьем нахлестывал лошадь, а Тася... лежала ничком, уткнувшись в сиденье. «Убили! — первое, что пронеслось в моем сознании. — Убили! Неужели ее убили? Не может быть! Нет, я не верю! Ведь только что она была жива и невредима... А может, просто из осторожности пригнулась? — промелькнула надежда. — Но что-то непохоже... Витюля был совсем близко, конь его уже не бежал, а как-то странно передвигался не то рысцой, не то шагом, пошатываясь из стороны в сторону. Мне показалось, что изо рта лошади брызжет красная пена. Пробежав так еще несколько шагов, конь остановился, опустив голову, встал на колени, потом плавно свалился на бок.

— Запалил коня-то, гадюка! — прошипел дед.

Тут я встал из-за укрытия и, не обращая внимания на боль в ноге, пошел к двуколке. Увидев меня, Витюля растерялся, засуетился, стал судорожно крутить в руках наган. Потом вдруг завизжал:

— Не подходи, убью! Не-не подходи!

Я, не обращая на него внимания, продолжал идти. Он выскочил из двуколки и встал в стороне, направив на меня наган.

«Почему же дед не стреляет? — подумал я, теперь только вспомнив, что винтовку и «кольт» оставил у моста. А оглянувшись, увидел, что дед целится в Витюлю, но не видит его, так как бандита загораживает накренившаяся двуколка.

— Тыфу ты, черт, — со злобой сплюнул я, продолжая идти. Теперь мне было все равно: будет или нет стрелять Витюля, и если будет, так лучше в грудь, не в спину. Умирать, так открыто, смело, а не трусливым зайцем! А до Таси я непременно дойду, хоть сто пуль в меня всади! Но бандит что-то медлил, хотя я подошел совсем близко. Вот и Тася. Она лежала неподвижно, тяжело дышала и была, видимо, без сознания. Я поднял ее, золотые локоны растрепались и закрыли лицо.

— Тася, — позвал я. — Что с тобой?

Она молчала, в груди прослушивались хрипы. Я положил ее голову на колени, пригладил волосы. И как сквозь сон услышал голос Витюли:

— О-о! Какая приятная встреча! Уполномоченный угрозыска, он же рабочий-геолог, он же мужик этой... (он грязно выругался). Ловко вы меня провели, сволочи! Не попался ты мне несколько дней назад там, в устье, я бы вам обоим сделал хакарики!

— Заткнись ты!.. — не вытерпел я.

Витюля вдруг идиотски хихикнул и пустился наутек, петляя между кочками, как заяц. Сзади раздался выстрел, Витюля остановился, нелепо взмахнул руками и опустился на землю. Огородников, разгоряченный преследованием, с азартно искрящимися глазами, осадил лошадь рядом со мной.

— Что, ранили ее? — спросил он.

— Вроде бы.

— Ну ладно, не горюй, всяко бывает! Перевяжи ее, а я попробую догнать последнего.

И он круто повернул коня в ту сторону, куда усакал последний бандит.

Я поднял девушку на руки и поковылял с ней к мосту. Дед сидел на выступе настила и набивал табаком трубку.

— Хотел я подранить ентою молодца, а потом подумал, может удрать, и тогда взял его на мушку, — виновато сказал он и засуетился возле Таси. — Травы бы, паря, прошлогодней нарвать, подстелить надо. Я сейчас веток ивняка наломаю, погоди.

Не выпуская из рук девушку, я сел на настил моста, стал ждать деда. Я глядел на бледное лицо Таси, на ее длинные черные ресницы, и мне казалось, что она спит сладким, непробудным сном; я чувствовал тепло ее тела, слышал легкое размеренное дыхание, видел слабую улыбку на ее губах. Руки мои затекли от тяжести ее тела, но я боялся пошевелиться, чтобы не причинить ей боль. Не знаю, долго ли так просидел. Очнулся от того, что меня кто-то потрогал за плечо. Это был Литвинцев. Он присел рядом, закурил.

— Как девушка?

— Плохо, — ответил я.

— Надо ее быстрее отправлять.

Мы настелили веток ивняка, сухой травы и уложили Тасю на телегу. В стороне Царского тракта, куда усакал Огородников, преследуя бандита, послышалось несколько выстрелов.

— Бойцы успели туда? — спросил я.

— Едва ли, пожалуй, нет — они только что скрылись на опушке, а стрельба дальше.

— Значит, Огородников один с бандитом.

— Да, пожалуй, — подтвердил Литвинцев. И добавил: — Горячий он, можно сказать, невыдержанный. Была бы у него выдержка — может, меньше бы потеряли бойцов и больше бандитов взяли живыми. Дикая голова...

— Не вытерпел все-таки?

— Без всякой подготовки напрямик полез. Смелый парень, но бесшабашный, командовать ему нельзя.

— Ну, а с главарем, с Косым, как?

— Живым не дался — застрелили.

— Туда ему и дорога...

Стрельба прекратилась — значит Огородников вот-вот появится. Я засобирался. Мы решили, что с дедом Евлампием повезем девушку через Ушумун на Усть-Ундургу, а оттуда поездом отправим в Читу. Литвинцев же с Огородниковым разберутся до конца с бандой и пойдут с отрядом обратным путем на Бушулей. Огородников не появлялся. Я поехал, а Литвинцев остался ждать его. Но не пришлось ему увидеть Огородникова живым — его подстрелил последний бандит.

В НАЧАЛЕ июля я попросил недельный отпуск, чтобы съездить в Ушумун, к деду Евлампию, провести мою боевую подругу Тасю Воронову, которая уже больше месяца находилась у стариков на излечении. Тогда еще по дороге на Ушумун Тася совсем было затихла и казалась мертвой. Но дед, взяв ее за руку, сказал:

— До Ушумуна додюжит, а дальше рискованно везти, — когда подъехали к дому, он припал ухом к ее груди, послушал, сощурил глаза и заключил: — Однако она живая.

Он быстро сбегал в избу, принес осколок зеркала, приставил его к губам девушки и уверенно сказал:

— Жива, паря, гляди!

Зеркало чуть затуманилось. К сообщению этому я остался равнодушным, так как не считал ее мертвой, не мог допустить мысли, что ее убили, не верил в это. Но потом на меня навалился страх: как ее оставишь здесь? Ни хорошего врача, ни лекарств...

Дед понял мое беспокойство.

— Ей нужен покой, хороший воздух и добрые харчи... Тут все будет, — убеждал он меня. — А лечить Мироныч своей мумией и травами будет. Мы ее живо поднимем на ноги, японский бог!

— Ну что ж, деда, пусть остается. Видать, и впрямь ей здесь будет лучше, — согласился я.

Бабка при виде девушки принялась было причитать, но дед на нее цыкнул:

— Рано хоронишь, старая, наперед постель сготовь, принимай подраненного человека...

Бабка утерла платком глаза и молча ушла в избу.

Дед достал кисет, набил трубку и, раскурив, почмокал губами.

— Не горюй, паря, езжай спокойно и будь в надежде: скоро твоя молодуха станет на ноги.

Он глубоко затянулся, выпустил в бороду сизую струйку дыма, сплунул.

— Однако работенка-то у ней неподходящая, не бабья. Ты ее не пущай больше — пусть сидит дома, стряпает тебе крендельки да детишек нянчит — это больше бабам подходит, чем гоняться за бандюгами.

Я не ответил, не до разговоров мне было. На душе горько: жаль товарищей, жаль горячего Огородникова, нелепо погибшего от пули последнего бандита, жаль погибших и раненых активистов — бойцов, жаль Тасю. Было тяжело от того, что возвращаться придется одному. Как я посмотрю в глаза Дюкову, Каверзину?..

Как только мы положили Тасю на кровать, дед Евлампий наспех попил чаю и засобирался в дорогу.

— Поеду к Миронычу за травами, да его самого сговорю присмотреть за девкой.

Бабка Акулина его не удерживала.

Я всю ночь просидел у изголовья девушки, смачивая ее губы и лоб влажной тряпкой: у нее поднялся жар. Бабка Акулина тоже сидела рядом, то и дело тихо вздыхала и что-то потихонечку нашептывала.

А утром, со вторыми петухами, приехали старики и навезли лекарств. Дед Мироныч, как обычно, плевался и с горечью говорил:

— Варнаки! Сволочи! Загубили молодуху, язва их побери! — Он внимательно осмотрел рану, приложил ухо к груди, пощупал пульс.

— Тяжело ей, горит вся, легкое задето, — заключил он. На минуту

задумался, как будто что-то вспоминал, покрутил рыжеватый ус, глубоко вздохнул. — Ну чего ты, Акулина, стоишь как пень! — вдруг напустился он на бабу, безучастно стоявшую у печи. — Неси бруснику, сок нужен, а потом вот из этой травы делай взвар! — Обернулся к деду Евлампии: — А ты, кум, нарежь гуся, да пожирней — жир нужен.

Старики молча вышли исполнять приказания Мироныча, а он, разгоряченный и увлеченный лекарским делом, продолжал ворчать:

— Остолбенели, что ли? Человек при смерти, а они скорбят — нет бы делом заниматься, язва их поberi. Ишь, век доживают, а как человека на ноги поставить — не ведают.

Он размотал тряпку с баночки, все той же заветной баночки, в которой хранил чудодейственную «мумию».

— Эту вот штучку не каждому доводится иметь, — повертел он на свету баночку и с каким-то особым удовольствием втянул терпкий запах лекарства. — Только я, дед Зайцев, на всю округу имею это чудо, нету его ни у кого более. Каких ран только не залечивал, бывало... Сперва не верили, шаромыжником называли, а теперь как нужда, так ко мне с мольбой: исцели, Мироныч.

Его добрые глаза вдруг заискрились радостной уверенностью человека, сделавшего добро людям, знающего себе цену, сознающего, что может помочь человеку, оказавшемуся в беде.

— А ты знаешь, паря, как я нашел эту мумию? Раз бродил с ружьишком в тайге под Курулей, подошел к высоким скалам, поглядел вверх: а над скалами в небе дерутся два орла, аж перья летят. Долго я наблюдал эту баталию. Один орел упал камнем на скалу, а другой улетел прочь. Вдруг вижу: тот, что упал, стал чего-то копошиться. Я подобрался ближе, присмотрелся, а он клювом что-то сдирает со скалы и мажет себе разодранную грудь. Тогда я смекнул, для чего он это делает — залечивает раны. Я кое-как взобрался на скалу, наскреб вот этой штуки. Когда слезал со скалы, то разодрал руку и тут же смазал. Через пару ден от раны след простыл. А потом людей лечил. Один мужик из политических сказал, что эту штучку ученые лекари знают — мумией зовется она.

— Верю тебе, деда, очень верю, и надеюсь, что Тасю ты вылечишь, — искренне сказал я.

В тот же день я уехал, так и не дождавшись, когда Тася придет в себя. А потом я завертелся в круговороте повседневных дел и вспоминал о ней только по вечерам, когда оставался наедине с собою. Я не знал, что с ней, как идет ее выздоровление и томился от неизвестности. Несколько раз я пытался отпроситься у начальника съездить в Ушумун, но мне не разрешали: дела, дескать, и все тут.

Однажды я не вытерпел и напустился на Дюкова:

— Вы-что же, Андрей Федорович, разбрасываетесь своими работниками? Неужели вас не интересует судьба подчиненных?

— Как разбрасываюсь? — недоуменно спросил он. — Что-то я тебя, Федор, не пойму.

— А так разбрасываетесь! Тасю... то есть Воронову, бросили, забыли про раненого человека! А может, она сейчас, как никогда, нуждается в заботе.

Дюков посмотрел на меня веселыми глазами и покачал головой.

— Вот ты о ком...

Потом он стал серьезным и успокаивающе сказал:

— Зря кипятиться, Федор Андреич, зря. С Вороновой все в по-

рядке, только вот тебе как-то забыл об этом сказать. — Он похлопал меня по плечу. — Ну, извиняй, братец, извиняй.

А письмо от Таси пришло совсем недавно — все замусоленное, очевидно, долго ходило по рукам, прежде чем попало ко мне. Она сообщала, что поправляется, даже ходит по избе, но «злые деды» не разрешают выходить на улицу. Скучно, читать нечего. Все, что прислали и нашла в деревне, перечитала, теперь томится от скуки. Скорей бы уж окончательно встать на ноги. Подробностей особых в письме не было, видимо, не надеялась, что оно дойдет до меня и знала, что его будут читать, так как оно пройдет через несколько рук, пока дойдет до меня. Но в конце она все-таки приписала: «Хочу увидеть тебя, Федя».

И вот я опять, как месяц назад, выхожу на этой уютной, маленькой станции Усть-Ундурга. Солнце так же, как раньше, ярким диском выплыло из-за вершин лесистых сопок, облило золотом цветастые поляны, крыши домов и перламутровыми бликами заиграло на перекатах быстрой Ундурги. Все так же на окраине лаяла собака, поскрипывали калитки, мычали коровы. Словом, селенье это просыпалось и начинало свой обычный день. А мне казалось, что это утро особенное, потому что надо мною чистое небо, что ярко светит солнце, что рядом течет быстрая река и, наконец, оттого, что я скоро увижу Тасю. Я пошел по той же извилистой лесовозной дороге вдоль крутобережной Ундурги, где мы совсем недавно проходили с Тасей. Но сегодня дорога почему-то была длиннее, казалось, не будет конца этим двадцати с лишним верстам. Я помню, когда мы первый раз шли на Ушумун, село открылось в тот момент, когда дорога начала спускаться с крутяка, а речка ушла куда-то вправо; сейчас же речка несколько раз уходила вправо, но после каждого перевала возвращалась снова к дороге. А вокруг темные скалистые берега и непролазная дикая тайга. Июльское солнце — яркое, но с утра не жаркое; лишь к полудню начинает горячо припекать. Песок на дороге раскалился, казалось, что подошвы моих худых туфель вот-вот расплавятся. Я спустился к плесу искупаться. После прохладной воды идти стало легко, я прибавил шаг и вскоре вышел на пригорок, с которого увидел долгожданное село, раскинувшееся в зелено-голубой долине. А через несколько минут я уже был у дома стариков. Тасю увидел издали, она сидела на завалянке в тени дома и просматривала какой-то замусоленный журнал.

— Федя! Откуда ты?! — искренне удивилась и обрадовалась она моему появлению.

Девушка была очень бледна, глаза казались совсем большими на осунувшемся лице и в них застыла чуть уловимая грусть, хотя она улыбалась. Я взял ее за руку и сел рядом.

— Да вот, решил тебя навестить. Как ты, Тася?

— Как видишь, поправляюсь — спасибо моим милым старикам, ну и товарищам нашим тоже спасибо за поддержку.

«Значит, ее не забывали, а я-то думал...»

— Только вот... — она тяжело вздохнула, — большое горе тут у нас... — Она достала из рукава кофточек платочек и вытерла набежавшую слезу. — Дед Мироныч вместе с бабкой сгорели.

— Как сгорели?!

— Пожар был у них... Оба сгорели, нету их теперь. А как он за мной ходил, ты бы видел, лучше родного. И вот теперь нет его...

Печаль тенью покрыла ее лицо, она плакала беззвучно, как и смеялась — одними глазами, только слезы большими градинами скатывались по щекам.

Я не знал, как ее утешить; да и надо ли было это делать?

После тяжелого минутного молчания Тася встрепенулась:

— Ну как там наши? Что нового в Чите?

Я ей рассказал обо всех новостях, передал привет от товарищей и поздравил с наградой за ликвидацию банды.

ДЕД ЕВЛАМПИЙ сильно состарился за это время. Он встретил меня приветливо, неуверенно, по-стариковски, обнял сухонькими жилистыми руками, погладил по спине.

— А ты, паря, вроде бы раздался в плечах и на мерина больше стал походить. — Дед достал из кармана кисет, набил табаком трубку и, раскуривая, присел на крылечко.

— Садись, Федор, покумекаем малость, надоть кое-что обмороковать.

Тася с бабкой Акулиной звенели в избе посудой, готовя на стол. Я присел рядом с дедом и стал ждать, о чем начнет он «кумекать». Но он начал не сразу, а, затянувшись несколько раз, о чем-то глубоко задумался. Мне показалось, что он шепчет себе под нос, кивая при этом седой, кудлатой головой. Но прислушавшись, кроме чмоканья, я ничего не услышал. Наконец он заговорил:

— Ты к нам надолго?

— На неделю.

— По делам, аль так?

— Так. Вас проведать, отпуск недельный дали.

Он промычал что-то под нос и снова задумался.

— А что, деда?

— Ты понимаешь, Федя, хочу просить тебя об одном деле, хотя несподручно тревожить, коли ты не у делов.

— Я готов на любое дело, чем смогу, тем и помогу, — заверил я старика.

— Сумлеваюсь я по пожару у Зайцевых, не согласный я, что они сами погорели. А тот уполномоченный, что приезжал, — пьянчуга, сдается, несусветный! Ходил только бражничал, а не разбирательством занимался.

— Почему сомневаешься?

— Да штуковина тут одна меня под сомненье поставила. — Он проворно встал. — Ты погоди тут, я ччас. — И скрылся в сенцах.

Вышла Тася, пригласила обедать. Одновременно появился дед, держа в руке какую-то железку.

— Ты погоди, голубка, мы малость покумекаем и скоро будем.

— Деда, он с дороги, — предупредила девушка.

— Ничего, Тася, потерплю — дело, видать, интересное, — сказал я другу.

Она присела с нами на крыльцо.

— Видишь эту штуку? — Дед протянул железку. — Это крючок. Я подобрал его на пепелище у Зайцевых, припоминаю, что он висел у них на дверях, им они запирались каждый раз, когда ложились спать. На-ко вот, посмотри на него.

Я взял. Крючок как крючок, самодельный, вот только разогнут почему-то.

— Сдается, что неспроста он выпрямился, — продолжал дед. — Помозгуй-ка, как он сам-то разогнулся? Кто-то же его выдрал?

— Может быть, те, кто тушил пожар, сорвали его: ведь старики были закрыты изнутри.

Дед поднял палец вверх и многозначительно поглядел на меня.

— Однако ты все-таки обмозгуй это дело, японский бог!

Дед Евлампий, минуту назад загоревшийся идеей опровергнуть выводы уполномоченного о том, что пожар в доме Зайцевых произошел сам по себе, вдруг пригорюнился, сгорбился и молча уставился в одну точку.

Тася мигом уловила эту перемену в старике и укоризненно посмотрела на меня.

— А еще-то что ты, деда, припас для Феде? — спросила она.

Дед снова оживился:

— Ишо я засумневался, когда увидел, что обгоревшие старики лежали на полу рядышком. Видимо, они спали на разных койках и, сдается, не могли в дыму приползти друг к дружке, лечь обок и так рядышком погореть. Прикинь-ка тут, паря, японский бог!

Он зло сплюнул.

Я вдруг вспомнил слова Каверзина, который говорил, что при сомнительной смерти родственники или знакомые умершего зачастую склонны выискивать виновника, хотя после вскрытия трупа становится очевидным, что человек умер своей смертью. В таких случаях надо внимательно выслушивать, а потом разумно и тактично разъяснять обстоятельства дела близким. Я понимал, что дед Евлампий был именно тем знакомым, который убедил себя в том, что стариков кто-то сжег, и теперь высказывал свои догадки по этому поводу.

Материалов расследования по факту пожара у меня нет, они где-то в нерчинской милиции, поэтому чего-либо конкретного деду ответить сейчас я не мог, но сказанное им меня все-таки заинтересовало.

— А тому уполномоченному ты, деда, об этом говорил?

— Пробовал, да он отмахнулся, иди, мол, старый, отсюда со своими причудами. Некогда ему было разбираться... Думал было тебе отписать, да смекнул, что скоро сам заявись к молодухе-то.

Тася, услышав последние слова, резко встала.

— Ой, мужички, не пора ли вам идти обедать? Все, наверное, уже остыло, — весело сказала она и скрылась в дверях сеней.

Дед выбил трубку о край крыльца, поднялся и тронул меня за плечо.

— Ну, пошли, паря, чаевничать, а то и правда, брюхо присосет к спине.

— А с этим делом надо разобраться как следует, завтра же займусь, — заверил я старика.

Проснулся я с первыми петухами, вернее, меня разбудил странный крик хозяйского петуха. Раньше я никогда не слыхал, чтобы петух так своеобразно пел: сначала он хлопал крыльями, как все петухи, потом издавал булькающий звук, напоминающий шум падающей воды в пустую железную бочку, и дотягивал срывающимся фальцетом свое неизменное «ку-у-у». Через щели кладовки, где я спал, начали пробиваться матовый свет и легкая утренняя прохлада. Покашливая, вышел из избы дед. Было слышно, как он, причмокивая, раскуривает трубку, потом подошел к кладовке и постучал костлявыми пальцами.

— Вставай, паря, а то запоздаем.

Я вскочил, наспех оделся и вышел. Дед уже сидел на ступеньке там же, где вчера, густо дымил трубкой и глядел вдаль, на темные

сопки, нависшие над Ундургой. Небо на востоке просветлело. Над Ундургой легким, прозрачным одеялом навис туман, застилая ее пойму. Где-то внизу по старице закрывала утка, увлекая свой выводок из травы к озерам, дикие голуби быстрыми парами пронесли к хлебным полям, на макушку старой, полуголой березы уселась ворона и закаркала на всю округу. С лугов потянуло свежескошенной травой. А дедов петух стал снова надрывно «булькать», присоединяясь к пению «вторых» петухов.

— Бедный Петька, — как бы извиняясь, заговорил дед. — Испортила ему голосишко-то соседская собачонка — придавила его как-то за стайкой, ладно, я подросел, а то бы совсем прикончила. Хотел его дорезать, да опять же Мироныч подвернулся со своей мумией, раны-то залечил, а голосишко такой вот теперь и остался.

Я стоял, любуясь утренним рассветом, наслаждался чистым воздухом и утренней прохладой. В этот миг я забыл про все на свете — тело мое, казалось, становилось все более упругим и сильным, а мысли легкими, как те барашки-облака.

Когда дед вдруг вспомнил про Мироныча — этого доброго, отзывчивого человека, сердце мое тоскливо и больно жалось — мне стало глубоко жаль тихих, безобидных стариков Зайцевых. Неужели их смерть явилась результатом злого умысла, а не нелепого несчастного случая? Тогда кому же сделали плохое эти всеми уважаемые люди?

Почаевали наспех в маленькой кухоньке у свистящего медного самовара. Юркая, молчаливая бабка Акулина скорехонько напекла блинов и прямо со сковороды угощала нас... Тася спала в своей комнатухе, хотя с вечера просилась ехать с нами. Мы с дедом уговорились ее не брать, так как она еще не совсем окрепла, поэтому пили чай молча и спешили, боясь разбудить девушку.

С солнцем в это утро мы встретились, когда вывернули из-за крутяка и стали спускаться в падь Жипкос. Оно золотисто залило раскинувшуюся перед нами марь, играя серебристыми бликами на росистой траве, на вздрагивающих листьях осин и берез в прозрачной воде ручейка.

Дед приостановил лошадь и приставил руку к козырьку фуражки.

— Смотри, паря, сколько тут живности, — с восхищением сказал он. — Во-он прямо у закрайки, правее Чертова моста — изюбриха с теленком, а выше еще одна, поодаль вон козы, раз, два, три, четыре... почитай, стадо целое.

Я пригляделся и увидел животных. Они спокойно ходили по маре, пощипывали сочную траву, не замечая людей.

Подул легкий ветерок от нас.

— Чичас их ветерок мигом сдует словно мух со стола, — сказал дед.

И верно. Изюбриха подняла высоко голову, озираясь, словно к чему-то принюхиваясь, потом резко прыгнула в сторону леса, за ней бросился долгоногий теленок. Козы тоже забеспокоились, заматались из стороны в сторону, затем плавно, огромными скачками промчались к лесу.

— Ишь, дуры, как огня, бояться духа человеческого, — восторженно сказал дед и, улыбаясь, захлопал в ладоши.

Через минуту на мари не осталось ни одной живой души. Мы подъехали к мосту, остановились и спустились к ручейку, чтобы сполоснуться чистой родниковой водой. Освежившись, я присел на бревенчатый настил моста, где не так давно сидел и держал бесчувственное

тело девушки. Передо мной вновь проплыли картины развернувшихся здесь недавно событий. Я ясно видел мчавшуюся двуколку с Тасей и Витюлей, горстку бандитов и бойцов, преследовавших их, слышал выстрелы, прижимал взлохмаченную золотистую голову девушки к груди... А потом так же, как тогда, вздрогнул, почувствовав на плече чью-то руку.

— Да-а, паря, была тут баталия... — Дед хотел было предаться воспоминаниям, но я опередил его:

— Кто же из них тогда ускользнул? — спросил я, имея в виду того последнего бандита, что вырвался от нас, а потом подстрелил Огородникова.

— Бог его знает, мне неизвестно, я их шибко-то не знал и знать не хочу, японский бог!

Мой вопрос, видимо, пришелся не по душе старику, а может быть, воспоминания о бандитах вызвали в нем гнев. Он рассердился. Я замолчал: стоило ли раздражать старика этими разговорами? Дед молча докурил трубку, выбил пепел о голенище ичига и направился к подводе.

Мы направились в сторону Такши. Вскоре дед замурлыкал свою любимую песню про Ланцова, который задумал убежать с каторги. Он мог тянуть эту песню часами, повторяя и повторяя куплеты, а порою искажая на свой лад. А я думал о том, сколько у нас еще диких, глухих мест, какие богатства таят эти края. Сколько здесь леса, какие обширные елани, мари — знай, паши, сей хлеб, разводи скот. А природные ископаемые...

Вскоре лес вдруг оборвался и перед нами раскинулась широкая долина, пополам разрезанная поймой речушки Елкинды, а в дальнем ее углу, под лесом, устроилось небольшое, в одну улицу, село Такша. Вглядевшись, я увидел на месте домика стариков Зайцевых остов печи да кучу обгоревших бревен.

Направляясь с дедом Евлампием сюда, я не наметил конкретно, чем буду заниматься. Надеялся, что осмотр пожарища подскажет, с чего начать. А сейчас, глядя на место недавней трагедии, с сожалением подумал: а что же мне это даст? Установить, умышленно подожгли Зайцевых или нет, будет трудно, а найти поджигателя еще труднее. И зачем подожгли? С какой целью? Задавая себе эти вопросы, я вдруг вспомнил, как Мироныч говорил о здешнем жителе Лапушенко, подозревая его в связях с бандой.

— Деда, а где сейчас Лапушенко? — спросил я.

Дед Евлампий часто поморгал, соображая, почему я вдруг задал такой вопрос.

— Который? Их, паря, три брата.

— Тот, что жил на устье Елкинды.

— А-а, Митька, он там и обитает.

— Зачем он туда перебрался, от людей-то подальше?

— Бог его знает.

Мы свернули вправо к деревне и поехали по чуть заметной дороге среди высоких, еще зеленых хлебов. Солнце начало заметно припекать, стали появляться назойливые комары.

— А братья его где? — спросил я.

Дед встрепенулся и ответил:

— Тех давно уже нет: один ушел с семеновцами и сгинул, а другой где-то в России запропастился.

Деревню мы объехали стороной, чтобы не привлекать внимания,

и сразу направились к пепелищу. Я начал осмотр, а дед набил трубку, раскурил ее и молча наблюдал за мной, не слезая с подводы.

Обгоревшие бревна, доски пола, подоконники говорили о том, что пожар начался изнутри, но в каком точно месте, определить было трудно. Я рылся в обломках, очищал пол и, наверное, занимался этим долго, так как дед не вытерпел и спросил:

— Ну чаво там, паря, так долго ищешь?

— А где лежали старики? — спросил я.

Дед, кряхтя, слез с подводы.

— Эдак бы сразу и расспросил. Там вон, на полу, посреди кухни.

Я тщательно очистил указанное дедом место и нашел то, что искал: в этом месте половицы прогорели больше, вероятно, пожар начался именно отсюда. Я поделился своими соображениями с дедом.

— Вот вразумел, паря. Моя правда — сами они не сгорят. Мирных был аккуратным и с куревом, и с печкой.

Да, вывод напрашивался сам собой!

— Деда, — слегка волнуясь, обратился я к старику, — я с тобой согласен, нечего нам друг другу замазывать глаза. Списать на огонь легче, это ясно, а мы с тобой попробуем как следует разобраться в этом деле. Надо найти убийцу!

Дед положил руку мне на плечо и ласково посмотрел в глаза.

— Надежда есть на тебя, Федор, занозистый ты парень. Смотри только сперва все обмозгуй, а потом уж рискуй!

И он, сгорбившись, пошел к подводе.

РАЗБИТНАЯ, вечно полупьяная Мотья Звягина жила на отшибе в большом пятистенном доме с юродивым четырнадцатилетним сыном. Приехала она сюда с Карийских рудников в двадцатом году с мужем, не то селикозником, не то чахоточным золотарем-старателем. Мужик через год-два умер, и Мотья осталась одна с малым сыном на руках. Видать, осталось у нее золотишко от мужа, поэтому жила она независимо и в достатке. Держала коз, начесывала с них пух, вязала платки и шали, а потом их продавала. Но основную прибыль получала от самогонки, которую выгоняла бидонами и по дешевке продавала местным мужикам да проезжим.

К Мотьке я зашел в полдень, она сидела у старинной скрипучей прялки. На меня взглянула коротко, но пристально. В ее взгляде я не прочел ни удивления, ни любопытства — привыкла к незнакомым посетителям. Зато парнишка, в какой-то неестественной позе сидевший на широкой деревянной кровати, смотрел на меня с любопытством черными искрящимися глазами. А потом испуганно прикрылся одеялом до пояса. Я успел заметить, что вместо ног у него коротенькие култышки, а ручки маленькие, неразвитые — совсем как у ребенка.

Обстановка в доме нельзя сказать, что бедная, но и не роскошная: есть комод, круглый стол, ручная швейная машинка, на стене старинные часы, коврики, шторы: все чистенько, накрахмалено.

Откуда-то со стороны печки доносился чуть кисловатый запах. Мотья, видать, недавно гнала самогон.

— Садись, гостенечек. Зачем пожаловал? — басовито сказала она, указывая на табурет.

Мотьку я видел впервые, да и она едва ли могла меня здесь

встречать, поэтому я решил не раскрываться перед ней, а попробовал снова сыграть роль геолога.

— Геолог я, пришел кое о чем побалакать. — Я многозначительно постучал пальцем по шее. — Работаем мы тут недалеко, давненько не пробовали горилки, соскучились по ней, окаянной.

Мотыка внимательно посмотрела на меня, нехотя поднялась и направилась к двери. У дверей остановилась, снова оглядела меня с ног до головы и вышла. Как только дверь за ней закрылась, парнишка спросил меня:

— Дядя, а вы не доктор?

— Нет, а что?

— Да мамка все обещает к доктору полечить, и все не везет.

— Попроси ее хорошенько.

— Уж всяко просил, — глубоко вздохнул парнишка. — Некогда ей, да и везти далеко. — Он с мольбой посмотрел на меня. — Вы бы хоть попросили ее, а то дядька Митя, наоборот, отговаривает, да и другие такие же, только самогонку горазды пить.

Эх, мальчонка, мальчонка! Несбыточна твоя мечта быть здоровым — встать и пойти на своих ногах! Не знаешь ты, что болезнь твоя неизлечима, что ни один доктор теперь уже не поможет...

— Хорошо, подскажу ей, — заверил я его и спросил: — А где теперь дядя Митя?

— Он на устье Елкинды живет, редко теперь заходит к нам — поругались они с мамкой.

— Из-за чего поругались-то?

— Не захотела она бросать дом и ехать с ним — вот и поругались.

— А кто еще у вас бывает?

— Раньше много бывало людей, даже с оружием приезжали, отряд какой-то за Ундургой стоял. Так от них часто бывали за самогонкой. Потом их красноармейцы разбили...

Парень хотел было еще что-то сказать, но вошла Мотыка с бутылкой в руках и прервала наш разговор. Она поставила бутылку на стол, и не успел я оглянуться, как собрала закуску — картошку, свежие огурцы, яйца.

Я было засуетился, промычал что-то невнятное насчет того, что некогда, но хозяйка властно остановила меня.

— Раз зашел — будь гостем, спешить некуда, успеешь.

Она налила в стаканы синеватого самогона, по-мужски чокнулась и одним духом выпила. Я отпил несколько глотков и поперхнулся — раньше я никогда не пивал этого зелья.

— Эх ты, мужик! А еще говоришь, что геолог! — презрительно скривила она губы. — Я знаю — ты милиционер, а милиционеры не пьют эту гадость. — Она прожевала картошку и добавила: — И зачем ты сюда пришел — не пойму.

Ее большие, удивительно ясные глаза зло прищурились.

— Зашел так, поговорить, — неуверенно сказал я.

— Так ходят к... а я порядочная женщина и тебя совсем не знаю. Давай-ка лучше напрямую, милиционерик.

— Скажи, Матрена, зачем Лапушенко уехал от тебя в устье Елкинды? — спросил я.

Она удивленно посмотрела на меня, пожала плечами.

— А тебе что за дело? Не впрямь ли жениться приехал? А ты вообще-то ничего парень, можно...

— Какая же ты бесстыдная, Матрена, ребенка хоть постыдись,— обозлился я.

Она ласково взглянула в сторону мальчика и махнула рукой.

— Ничего, он у меня умный, привычный. — Потом помолчала и вдруг резко, холодно спросила: — Все-таки чего тебе от меня надо? Я помолчал и, чтобы разрядить обстановку, предложил:

— Давай выпьем.

В глазах Мотыки мелькнула искорка доверия.

— Давай, — взяв бутылку, уже мягко сказала она. Налила себе. Мы выпили. — Так вот, Митька оказался подлецом — бросил меня. Была хорошей, когда поила его свору... Да чего тут скрывать — эти бандюги так тут и паслись. А этого стервеца на волю потянуло, в одиночество...

— Тебя-то он туда звал?

— Нет. Говорит, поживу пока один, а потом позову. Темнит он что-то. Если бы была нужна, то сразу бы взял, мошенник окаянный. — Давай еще по стопайшке, — предложила Мотыка.

Отказаться я уже не мог. Ни о каком долге или даже осторожности не задумывался, было легко и весело.

А Мотыка продолжала говорить о Митьке, о его обещаниях и подлости и еще о чем-то... В голове у меня все закружилось...

Очнувшись я от настойчивого, глухого стука — кто-то стучался в дверь. Сначала не мог сообразить, где я. Рядом почувствовал чье-то теплое, мягкое тело. Стал припоминать прошедшие события и с ужасом вспомнил — Мотыка! В голове звенело. Я попытался встать, но Мотыка придавила рукой мою голову и тихо, зло шепнула:

— Лежи.

Она встала и, чертыхаясь, пошла к двери.

— Кто там? — послышался ее дрожащий голос.

— Открой, это я, Митрофан.

Мотыка некоторое время молчала, затем тихо, жалобно сказала:

— Не обманывай, Митька на Ундурге.

— Открывай, говорю, — послышался требовательный голос, — а то разнесем дверь!

Я лежал ни жив ни мертв. Что же делать? Ах, как позорно и по-дурному влип! Мотыка подкралась ко мне и тихо шепнула:

— Сбрось один матрац, подушку, одеяло и ложись на пол.

Я так и сделал.

В комнату авались двое. Слышно было, как они молча сели на табуретки. В комнате стоял полумрак, но вдруг стало светлее, видно, подвернули фитиль лампы.

— Ты с ним это тут пировала? — спросил Лапушенко.

— А я тебе что? — ехидно откликнулся визгливый голос. Я уже слышал его однажды ночью в избушке стариков Зайцевых и узнал бы из тысячи других.

Значит, это и был тот последний бандит, которому удалось от нас вырваться. Теперь он наверняка меня узнает и тогда... Что делать?

— Кто это? — с дрожью в голосе спросил Лапушенко.

— Так, один геолог, — ответила Мотыка.

— А-а, — понимающе протянул визгливый, — понятно.

С минуту стояло молчание, потом Лапушенко сказал:

— Сначала выпьем.

Забулькала в стаканах самогонка. Потом снова наступила пауза. Вдруг наступившую тишину прорезал властный голос Мотыки:

— Не трогайте его! Не вздумайте!

Я понял, что мне угрожает опасность, отбросил одеяло, вскочил. В это время зазвенело стекло: кто-то сшиб лампу со стола, и стало темно. Я бросился к двери, но налетел на Мотьку, больно ударив ее головой в живот, отчего она неистово закричала. Меня пытались схватить, потом ударили чем-то твердым по спине. Я тоже бил кулаками в темноту, но цели не достигал. На меня навалились, сбили с ног, ударили по голове, и я потерял сознание. Очнулся, когда меня волокли по земле. Ноги, бедра и спину саднило. Вначале я не мог понять, кто и куда меня тащит, но потом вспомнил драку в избе Мотьки и Митрофана с визгливым. Это они тащили меня сейчас. Но куда? Зачем? Не успел я осмыслить происходящее, как бандиты остановились, выпустили мои руки.

— Хорош, — проговорил визгливый, — тут и кончим.

— Надо бы еще оттащить, а то близко, — сказал Лапушенко.

— Тебе чего бояться?

— Мне-то нечего. Мотьку заподозрят, а она выдаст нас.

Где-то совсем далеко, на окраине села, послышался скрип тележных колес и пофыркивание лошади. Впрочем, мне это могло и показаться, так как в голове стоял звон. Руки и ноги онемели, отказывались повиноваться. Я понимал, что меня собираются убить, но предпринять что-нибудь не мог, все тело болело, я не мог шевельнуться. Однако слух не подвел меня.

— Стой, Сеня, кто-то сюда прет, — испуганно шепнул Митька. — Надо смываться.

— Лягавого надо прикончить, — настойчиво сказал Сеня.

— Уходи вперед, я прикончу и догоню.

— Нож есть?

— Нету.

— У, черт! Возьми вот пугало.

— Придется шумнуть, беги.

Сеня удалился. Я услышал выстрел и торопливые шаги Лапушенко. Я был в сознании и хорошо слышал выстрел, но боли не почувствовал. Неужели промазал Лапушенко? Я попробовал двинуться и снова погрузился в черную бездну.

ДНЕМ приехала на двуколке Тася, на той самой двуколке, на которой ездил Витюля. Нас она нашла у Ефима Чернова и в предчувствии чего-то неладного быстро вошла, вернее вбежала, в избу и бросилась к моей постели.

— Что с ним? — спросила она у деда, сидевшего у постели.

— Побили его чуток, а ты не убивайся — пройдет.

Девушка положила ладонь мне на лоб, стала осматривать голову, перебирая слипшиеся от крови волосы.

— Как же это случилось? Кто его?

— Не ведаю, дочка, — виновато ответил дед. — Пошел он говорить с народом по этому случаю, а меня черт дернул утащить на могилку Мироныча. Ждал его до ночи, а потом поехал искать. Среди ночи услышал выстрел там вон, вверху, возле болотины, поехали туда и наткнулся на него.

Хоть я и пришел в сознание с момента появления Таси, но заговорить с ней мне было стыдно. Что я ей скажу? Ну, конечно же, надо говорить правду, но что будет, когда я все расскажу? Поймет ли она меня? Ах, в какое нелепое положение я попал! Ну как я мог довериться-

ся Матрене! И только теперь я со всей ясностью осознал, что жизнь моя могла бесславно закончиться в болоте. Однако почему они не кончили меня в доме Мотьки, а поволокли в болото? Видимо, она не дала, боясь подставить себя под удар. Теперь, уверенные, что со мной покончили, сидят, наверное, в зимовье и пьют самогонку за упокой моей души...

При воспоминании о самогонке тошнота комом подкатилась к горлу, и, чтобы удержаться от рвоты, я попросил пить. Дед вышел в сенцы, принес ковш ледяной воды. Я выпил и взглянул на Тасю. Она низко наклонилась ко мне. Ее локон коснулся моей щеки, и Тася тихо спросила:

— Тебе плохо, Федя?

Я не ответил, только пожал плечами, мол, ничего. А поборов волнение, спросил:

— Ты помнишь тех двоих, что приходили тогда ночью к Зайцевым?

Девушка удивленно посмотрела на меня, поправила локон.

— Помню.

— Это хорошо, что ты их помнишь.

— Они?

— Один из них, тот, визглый.

— Ясно. Это правая рука главара. Где тебя избили?

Я знал, что Тася задаст этот вопрос, и был готов на него ответить, но, когда она спросила, растерялся. Девушка ждала моего ответа, не подозревая, что вопрос этот мне неприятен.

— Там, у Мотьки Звягиной, — с дрожью в голосе наконец ответил я.

В глазах девушки я прочитал недоумение, она задумалась, а потом сказала:

— Я схожу туда, разберусь.

Удерживать ее я не стал. Если она решила, то обязательно настоит на своем. Дед Евлампий засобирился с ней. Когда девушка вышла, я попросил:

— Деда, ты одежду мою принеси оттуда.

— Ладно, — буркнул он и поспешно вышел, прихватив с собой берданку.

Вскоре дед вернулся, положил мою одежду на сундук, молча сел на корточки у печи и стал набивать трубку.

— Ну что, деда? — спросил я.

— Ничего. Нету их — сгинули, а Мотыка во хмелю валяется.

— Надо бы парнишку расспросить.

— Судачили с ним, но он ничего путного не рассказывает, запугали мальчика.

— А Тася где?

— Ушла в сельсовет к Терентьевне, секретарше.

— Зачем?

— Неизвестно.

Я подумал, что она пошла просить помощи в задержании Лапушенко и его дружка. Но я ошибся, она вернулась с фельдшером. Фельдшер, высокий, худощавый, пожилой человек, быстро осмотрел меня, прощупал ребра, голову и заключил:

— Ничего — синяки, ссадины и легкое сотрясение головного мозга, через пару дней встанет на ноги.

Он молча сложил свои нехитрые инструменты в чемоданчик и ушел.

— А я, между прочим, встану не через два дня, а сейчас, — сказал я, приподнимаясь на локтях.

— Полежи, паря, полежи — раз доктор наказал, знать, так надо, — запротестовал дед.

Тася ничего не сказала, она укоризненно посмотрела на меня и молча вышла.

«Узнала все, а теперь презирает», — с горечью подумал я и резко опустил на подушку.

— Чего ты? — испуганно придвинулся ко мне дед.

— Ничего, просто так.

— Эх, был бы чичас Мироныч — он зараз бы поставил тебя на ноги, — с глубоким сожалением заговорил дед. — Молодому вон, почитай, с того света возвратил. Хороший был лекарь, вся округа к нему тянулась, никому не отказывал. А теперь вот нету его...

Он зло сплюнул и потянулся за кисетом.

— Кому же понадобилось лишить жизни такого человека, а? Кому он перешел дорогу? Увидеть бы энту гадюку — своими руками придушил бы, японский бог!

— Не волнуйся, дед, скоро увидим, — успокоил я его.

— Дай бог, дай бог, — с надеждой посмотрел он на меня слезящимися глазами.

Хозяев дома не было. Все уехали на покос, и дед сам распорядился в доме. Он сходил в кладовку, принес прошлогодней засахаренной брусники и надавил соку. Я с удовольствием выпил его и через некоторое время почувствовал, что жар спал. Потом дед напоил меня холодным молоком с душистым домашним хлебом. Я попросил открыть окно. В комнату ворвался слабый ветерок, принесший с собой запах луговых трав, терпкий запах полыни и прелого навоза. Стали слышны звуки деревенской жизни: стук молота в кузнице, звонкое повизгивание пилы от строящегося напротив дома, мычание коров у речки и куриный гвалт. Мне неудержимо захотелось встать, выйти на улицу. Эх, с каким удовольствием я покосил бы траву на такшинской низине, повалялся бы на свежем сене!

Углубившись в воспоминания о детстве, убаюканный ворвавшимися в комнату звуками и дыханием полей, я заснул.

Не слышал я, как вошла Тася, как она разговаривала с дедом о том, чтобы перед утром пойти в устье Елкинды, окружить зимовье Лапушенко и захватить их обоих с дружкой-бандитом. Не чувствовал, что она долго и внимательно смотрела на меня, о чем-то сосредоточенно думая.

РАНО утром я вдруг проснулся. Не знаю отчего, но проснулся. Может быть, я почувствовал, что на меня кто-то смотрит, а может, оттого, что услышал глубокое сиплое дыхание курящего человека, или от едкого дыма самосада. Я открыл глаза и в предутренней мгле увидел человека, сидящего в углу на скамейке.

— Ты что не спишь, дед? — спросил я.

Человек пошевелился, кашлянул, но не ответил. Я внимательно вгляделся в него. Это был не старик, кто-то другой, коренастый и горлазод молодой. Кто же это? Чернов? Непохоже — у того копна волос и фуражку не носит. Что-то знакомое в фигуре, но не разберу — темно еще.

Человек снова откашлялся и сказал:

— Я Лапушенко Митрофан.

Сначала я не поверил своим ушам и невольно переспросил:

— Кто, кто?

— Митрофан Лапушенко, — повторил он.

Я резко вскочил и сел на кровати.

— Зачем ты здесь?!

— Пришел к вам. Дело есть, — невозмутимо ответил он.

— Какое у нас может быть дело с тобой! — возмутился я.

— Самое обыкновенное. Вы тут собрались выловить бандита, так я пришел помочь по этому делу.

— Как помочь? Ты же с ним заодно!

— Ошибаешься ты, паря, не заодно я с ним.

Я задумался. Что привело его сюда? Что ему надо? Ведь он стрелял в меня и наверняка считал, что убил. Что-то тут неладно, надо как следует собраться с мыслями. «А где Тася, Евлампий и, наконец, Чернов?» Мурашки побежали по спине: «Неужели?..»

— Так ты же меня избил, стрелял, а теперь услуги предлагаешь! Как это надо понимать? — громко сказал я в надежде, что меня кто-нибудь услышит.

Лапушенко как-то странно хмыкнул и почесал затылок.

— Из ревности я тебя побил, думал, ты с Мотькой того... а она моя баба.

— Зачем стрелял?

— Если бы не я стрелял, то Сенька бы прикончил тебя, — спокойно сказал он и добавил: — Вверх я выстрелил...

Хотя я был убежден, что Лапушенко стрелял в меня, но по какой-то случайности промахнулся, его поведение сейчас заставило меня глубоко задуматься, а в душе зародилась искорка доверия к нему. С каждой минутой я убеждался, что не может этот мужик так тонко притворяться.

— Ты же с бандитами яхшался!

Лапушенко пожал плечами, хмыкнул.

— Что я с ними яхшался? Самогонку заставляли добывать. А не захочешь, тряхнут — и поминай как звали. Делами ихними я не интересовался, не нужны они мне.

— Значит, помочь хочешь?

— Не пришел бы.

— А как?

— Мы тут обговорили уже с твоей девкой и Черновым, порешили схитрить малость, а то бандюга этот дюже осторожный — еле меня одного отпустил.

— Где Чернов и девушка?

— Ушли к Терентьевне лошадей просить.

Я понял, что они решили поймать бандита без меня. Однако я не собирался отлеживаться, когда друзья идут на опасное дело. Я встал и, пошатываясь, добрал до окна. Голова кружилась, в теле чувствовалась слабость. Но я все-таки решил пойти с ними.

— Что же вы порешили? — после паузы спросил я.

Лапушенко встал, выбросил окурочек в окно, прислонился к косяку и ответил:

— Я пойду к Матрене, поговорю с ней и заставляю ее пойти в зимовье. Сенька там. Пусть она передаст ему мое предупреждение, что скоро в зимовье нагрянет милиция. В тайгу он не пойдет. Без коня и харчей там делать нечего. А пойдет на Ушумун или Такшу, чтобы

там добыть себе коня — я же коня-то ему не оставил. Чертов мост никак не минуешь — тут его и надо подстеречь.

— А если окружить и взять его в зимовье? Так надежнее...

— Нельзя так. Слышно в тайге хорошо, не подкрадешься к зимовью. Собаки у меня там остались — будут гавкать. Да и он хитрый: не сидит в зимовье, а караулит где-нибудь поблизости.

Пришли Тася, Чернов и дед.

— О-о, ты уже встал? — удивленно сказала девушка.

— Вроде бы.

— Что такой грустный, браток? — похлопал меня по плечу Чернов.

— Радоваться пока нечему — бандюга на воле.

— Не переживай, выловим его и вздернем на рее, — весело продолжал Чернов. — Тут вон целую историю придумали на этот счет; не отшвартуется он, браток, пригвоздим его на якорек. Держи краба и не расстраивайся, — он протянул свою огромную ручищу и крепко сдал мне ладонь.

— Ну ладно, давайте поторапливаться, — озабоченно сказала Тася и подошла ко мне. — Собирайся и ты. Сможешь?

— Я готов.

Было решено, что Тася, Чернов и дед Евлампий сделают засаду у Чертова моста, а мы с Лапушенко поедем сперва к Мотьке, потом к зимовью, чтобы спугнуть бандита.

Не теряя времени, отправились в путь.

На улице уже рассвело. Небо над крутыми черными сопками в стороне Ундурги посветлело, а над рекой навис легкий туман. От Елкинды тянуло прохладой, пахло свежескошенной травой.

— Давно он у тебя скрывается? — спросил я у Лапушенко.

— С неделю, поди, будет.

— Откуда явился?

— С Нерчи. Там они снова организовались в банду, но их сразу же под Зюльзиканом разбили. Он вырвался, и сюда.

Лошадь моя немного приотстала, я подстегнул ее и снова поравнялся с Лапушенко.

— Как же ты узнал, что я у Мотьки?

— Бандюга этот мне сказал, он там зачем-то шастал и выследил тебя... Потом подговаривал меня подпереть вас вместе с Мотькой и подпалить.

«Вместе с Мотькой подпалить... Услышав эти слова, я вздрогнул, сердце тревожно забилося. Старики Зайцевы... Их тоже подперли и подпалили...

— Ах ты, сволочь! — вырвалось у меня.

Лапушенко недоуменно посмотрел на меня.

— Это правда, — сказал он. — Сенька Арап, правая рука Косого, — хитрюга и сволочь. Ишь, как ловко хотел меня втянуть в свои грязные делишки! А я-то, дурак, поверил и потащился вчера с ним. На чем сыграл гад, а! Знает, стервец, что я с Мотькой полубовничаю... Пойдем, говорит, Мотька твоя с хахалем... — И после недолгого молчания добавил: — И стариков Зайцевых он, подлюга, загубил — теперь-то уж я точно знаю. В ту ночь он куда-то уходил из зимовья, а явился к утру... Он это сделал, он.

У Мотькиного дома, слезая с лошади, я спросил:

— Ты его знаешь?

— А как же! Это сынок здешнего богатея — обдиралы Веретенникова, что жил на хуторе неподалеку от Береи.

Мотьку уговаривать долго не пришлось. Она сразу поняла, что от нее требуют, и собралась в путь. Сына она укутала покрывалом, пододвинула к кровати стол с едой и, ласково погладив по голове, молча вышла.

До устья идти не менее шести верст, и Лапушенко посадил Мотьку на свою лошадь. Не доезжая километра два, она слезла, ушла вперед. Мы подождали, когда она дойдет до зимовья (а узнали это по лаю собак), и двинулись дальше.

Лапушенко пустил лошадь рысцой, но я догнал его и предложил ехать тише. Спешить сейчас не стоило, так как мы могли застать бандита у зимовья. Если же он увидит нас, бросится в тайгу, поймать его будет невозможно, а потому его во что бы то ни стало надо выманить на чистую марь к Чертову мосту. Лапушенко осадил коня, и мы поехали шагом.

Вскоре из-за кустов вышла Мотька и быстро направилась к нам.

— Готово, удрал, — буднично сказала она и тронула за рукав Лапушенко. — Я теперь не нужна?

— Иди домой, готовь на стол, приеду мириться, — ласково погладил он ее руку.

Отъехав немного, я обернулся. Мотька стояла и смотрела нам вслед, подперев рукой подбородок.

Лапушенко направил коня вниз по левому берегу Ундурги к пади Жипкос, куда направился бандит. Наше предположение оправдалось — бандит пошел на Царский тракт к Чертову мосту.

За скалистым поворотом Ундурга свернула вправо, а слева начиналась падь. У опушки леса мы остановились, спешили. Привязав коней к дереву, тихонько вышли на марь и стали всматриваться вдаль, не появится ли где бандит. Кочковатая марь заросла травой и густым кустарником, кое-где виднелись одинокие лиственницы-сухостой. Человеку, чтобы остаться незамеченным, надо идти пригнувшись...

Выехав на марь, Лапушенко предложил разехаться.

— Ты езжай левой закрайкой, а я правой, чтоб отсечь его от леса.

— А как же с ружьем? — спросил я.

Оно было у нас одно на двоих.

— Возьми его себе, а я с палкой, все равно издали не поймет, что это такое.

Я было стал возражать, но он настоял на своем.

Чем дальше от реки, тем кустарник на мари становился реже и реже; марь расширилась, лес отступил.

Вдруг Лапушенко махнул рукой, показывая туда, где падь разрезалась узенькой поймой речушки. Я остановился, внимательно огляделся и, наконец, увидел, как в кустарнике мелькнула голова бандита. Потом исчезла, а через некоторое время снова появилась. Бандит шел спокойно, нас не замечал. До Чертова моста от него было метров четырехста, а то и больше, а до опушки леса — ближе. Нам следовало поторопиться, чтобы отрезать его от леса. Лапушенко поскакал галопом вдоль опушки. Я тоже прищипорил коня и понесся, отрезая бандита слева. Заметив нас, он заметался по мари. Сначала бросился вправо, к лесу, но, поняв, что Лапушенко успеет перерезать путь, повернул в мою сторону. Я, нахлестывая лошадь, мчался вдоль опушки, боясь его упустить. И увлекшись погоней, не заметил, как бандит куда-то исчез. А он, видимо, поняв, что не успеет добежать до леса, спрятался где-то в кустарнике, поджидая меня. От Чертова моста мчался с вин-

товкой в руке Чернов, а поодаль — двуколка с Тасей и дедом Евлампием.

Бандита я увидел внезапно и совсем рядом — он выскочил из кустарника, держа наготове наган. Он появился передо мною так неожиданно, что лошадь моя резко остановилась. Я увидел перед собою грязного, обросшего человека, со злыми, наливающимися кровью глазами. И черное отверстие ствола...

Прогремел выстрел. Мимо... Лошадь бросилась в сторону, я вылетел из седла и свалился прямо на бандита. От тяжести моего тела он не удержался и упал. Минутная схватка — и рука бандита оказалась за спиной. От боли он вскрикнул и перестал сопротивляться.

Содержание

Станислав Родионов
ОТПУСК

3

Юрий Воложанин
ЧЕРТОВ МОСТ

28

Сдано в набор 13.04.1984 г
Подписано к печати 18.05.1984 г
А-10808.
Формат бумаги 84×100
Условных печатных листов 4,2.
Печатных листов 2,5.
Тираж 150 000 экз.
Цена 25 коп.
Заказ 481.

Адрес редакции: 127434, Москва, ул. Ивановская, 24.

Телефоны: 216-87-66, 216-86-66, 211-06-69.

Ордена Трудового Красного Знамени Калининский полиграфический комбинат Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, г. Калинин, пр. Ленина, 5.

Ранней весной в предгорьях Ала-тау, когда багровый диск вечернего солнца медленно опускался за горизонт, оперативная группа, спускаясь вниз по склону гор, наскочила на костры, вокруг которых толпились вооруженные люди.

Уйти незамеченными невозможно. Надо принимать бой. В этой сложной обстановке уполномоченный милиции Нурманов, обратившись к своим товарищам, сказал: «Ну, братья, главное спокойствие и самообладание!» Красные милиционеры заняли выгодную оборону. Бандиты, не рассчитывая на сопротивление горстки патриотов, устремили на них своих коней.

— Огонь! — скомандовал Нурманов. Двое противников медленно сползли с седла. Прогрели еще выстрелы. И еще несколько бандитов сложили свои головы, но силы были неравны... Лошадей, одежду и деньги коммунаров грабители поделили между собой. Винтовка за № 7681 с пятнадцатью патронами досталась главарю — Кульчару.

Лишь утром следующего дня подоспела помощь. Увидев изуродованные тела троих смельчаков, командир отряда и его боевые товарищи поклялись во что бы то ни стало найти бандитов и уничтожить их. Прочесали местность, обнаружили врага, окружили его и уничтожили. ...Молодых активистов, героически погибших в борьбе за дело строительства социализма, похоронили в братской могиле. Жители Байганинского района Казахской ССР помнят и свято чтут их память...

Биография мужества

ОБ АВТОРАХ

ВОЛОЖАНИН Ю. А.
родился в 1942 году в г. Чите.
Окончил Академию МВД СССР.
В настоящее время — заместитель
начальника отдела УВД Читинского
облисполкома, полковник милиции.
Автор ряда произведений о сотрудниках
органов внутренних дел.

РОДИОНОВ С. В.
родился в 1931 году в г. Туле.
Окончил юридический факультет
Ленинградского государственного
университета им. Жданова. Работал
старшим следователем прокуратуры.
Автор книг «Следователь прокуратуры»,
«Долгое дело», «Глубокие мотивы».
Член Союза писателей СССР.
Живет и работает в Ленинграде.

В
СЛЕДУЮЩЕМ
ВЫПУСКЕ

Петр Ситников

ПО СЛЕДУ
ОБОРОТНЕЙ